



БАРРИ КРАМП

ЗАЛИВ



Путешествия. Приключения. Фантастика

БАРРИ КРАМП

ЗАЛИВ

Рисунки Уилла Меони



Москва 1969

91 (И 9)

К 78

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

BARRY CRUMP

GULF

Illustrated by Will Mahony

SYDNEY • 1964

Сокращенный перевод с английского
ЭЛЕОНОРЫ ГЕРЖЕВИЧ и ДМИТРИЯ ЖУКОВА

Послесловие и примечания
В. М. БАХТЫ

2-8-1

196-69

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Полнейший беспорядок — 7
 2. Лучшие охотники на крокодилов
в Квинсленде — 11
 3. Обыкновенный малый — 20
 4. Прушковец — 33
 5. Ялогиндская пивная — 43
 6. Крокодилы и чучела — 55
 7. Большой соляник — 66
 8. Вокруг залива — 79
 9. До свидания, Ялогинда! — 93
 10. Ялик как у Дарси — 103
 11. Снова с Дарси — 112
 12. В большинстве случаев — 122
- Послесловие — 123

Ялогинда — вымышленный город на берегу вымышленной реки Манары, впадающей в залив Карпентария. И река Клеланд, и действующие в книге лица, и собаки — все вымышлено, но... я был бы весьма признателен, если бы кто-нибудь сообщил мне, где я могу приобрести собаку, похожую на Прушковица.

Б. К.



1. Полнейший беспорядок

Когда мы ложились спать, я сказал своей жене:

— А не отправиться ли к заливу Карпентария поохотиться на крокодилов?

Потом я притворился, что засыпаю, а Фиф тем временем так и распирало от возбуждения и любопытства... Я не выдержал, стал ухмыляться и все испортил.

По правде говоря, это было маленьким сюрпризом и для меня самого. На эту мысль меня натолкнула статья в журнале, который я просматривал утром. Фиф заявила, что непременно поедет со мной, с чем я нехотя согласился, так как охота на крокодилов считается делом очень опасным.

В тот день, когда мы уезжали из Сиднея, Фиф навела полнейший беспорядок. Наши вещи были разбросаны по всему тротуару на виду у прохожих. Проходил час за часом, а она укладывала их в лендровер, чтобы тут же выложить обратно... И при этом рассказывала случайным прохожим, что мы отправляемся в дальний путь охотиться на крокодилов.

Меня она к укладке не допускала. Не выдержав, я удрал в пивную и засел в укромном уголке.

Я сидел там долго и вернулся только тогда, когда у меня появилась абсолютная уверенность, что она все уложила и дожидается, чтобы я натянул тент. Но когда я выглянул из-за угла, то увидел, что вещи все еще валяются на тротуаре. Насколько я мог заметить, она вынимала вещи из одного ящика и перекладывала их в другой, показывая что-то стоящим вокруг людям.

Я вернулся в пивную и оставался там, пока она не появилась в дверях и не стала кричать, что все готово и мы можем отправляться к заливу Карпентария стрелять крокодилов. В эту пивную я никогда больше не вернусь.

Около двенадцати мы наконец тронулись. Кузов лендровера был так забит, что негде было повернуться. У нас было все, что могло спешно понадобиться,— от противозмеиной сыворотки до банки с тормозной жидкостью. До-

рожные карты всей Австралии и Новой Гвинеи, толстая тетрадь для дневника, тряпки для вытирания ветрового стекла, пледы для ног и бутылка апельсинового напитка, чтобы нам не приходилось останавливаться у пивных, когда я захочу пить. Сидеть мне было неудобно. Часа через два после отъезда из Сиднея мы остановились, и за спинкой сиденья я обнаружил скатанный в рулон большой толстый коврик, который обычно лежал у входной двери. Я сам напомнил Фиф, что его надо взять с собой.

Город остался позади. Это было прекрасно — оставить Сидней и снова куда-то ехать. Все кончилось тем, что мы стали с радостными воплями показывать всякие диковины, встречавшиеся по пути, и играть в нашу старую игру — кто первый заметит кенгуру или эму. На Фиф было то же самое коричневое платье, в котором я впервые назвал ее Фиффи. В нем она была похожа на листочек.

Самая продолжительная перебранка была у нас между Каннамаллой и Кунгулой: она сняла с огня ведро с грязным бельем стволом моей новой винтовки с оптическим прицелом...

В придорожных кострах есть что-то особенное... Они создают ощущение чего-то привычного, основательного, но появляется оно, когда путешествуешь так часто, как мы с Фиф. Мы никогда не говорили об этом, но по тому, как Фиф разворачивала нашу большую тяжелую постель и сутилась, стараясь определить, куда лучше нам лечь головой, я видел, что она чувствует то же самое.

Наше путешествие к заливу было изумительным. Почти каждый день что-нибудь случалось. В первый день мы ссорились и волновались, предвкушая новые приключения. На второй день я остановился, чтобы испробовать на кенгуру свою новую винтовку с оптикой, и нас нагнал малый на лошади с собаками, который сказал, что именно такие безмозглые, паршивые идиоты, как я, губят страну. Фиф взъелась на него за то, что он выражается в присутствии дамы. Мы уже отъехали довольно далеко, а он все пытался придумать, как отругать нас, не выражаясь.

На следующий день мы ехали по дороге, которая была слишком неровной, слишком длинной и прямой, чтобы пробудить в нас какой-либо интерес. Жара, пыль, деревья, и ничего больше. Не видно было даже кенгуру или эму, и мы не могли сыграть в свою игру. Так как ничего не

случилось, Фиф даже взялась за свой дневник и записала, что ночь мы провели в Энглдуле. Но до Энглдула было еще миль сорок, и добрались мы туда только через неделю.

У обочины дороги мы увидели грузовичок и двух копавшихся в нем мужчин. Мы остановились, чтобы узнать, все ли у них в порядке, но они просто доставали пиво из холодильника, установленного в машине, и пригласили нас составить им компанию. Они дали нам по банке с пивом и сказали, что направляются на рыбалку куда-то в Квинсленд. Забавно было стоять на невыносимо раскаленной дороге, посреди безводной пустыни и пить пиво из холодной мокрой банки, которую только что достали из холодильника.

Я предупредил Фиф, чтобы она и не заикалась о крокодилах, пока мы не доберемся до места, где они водятся. Смешно говорить, пока еще ничего не сделано, но, когда эти рыбаки-любители спросили меня, я сам упомянул, что хочу прокатиться к заливу и подзаработать на крокодильих шкурах. Со мной бывает иногда такое... от чрезмерного энтузиазма. Подъехала еще одна машина и остановилась, потому что наш лендровер стоял посередине дороги. Из нее вышли пожилой человек с женой, направлявшиеся к родственникам в Берк. Затем подъехал холден* с тремя искателями опалов, они вышли из машины и присоединились к нам. Удивительно, как много автомобилей оказалось на этой дороге, где можно ехать целый день и не встретить ни одной машины.

С лязгом подъехали гуртовщики на грузовике, заваленном поклажей, свисавшей с обоих бортов, от чего он был похож на перегруженную вьючную лошадь. Грузовик съехал с дороги под деревья и остановился. Двое мужчин принялись за устройство круглого загона (проволочная сетка на железных кольях) для подходивших овец.

Машины приезжали и уезжали. Все останавливались посмотреть, что происходит, и пропускали с нами по ста канчику-другому. Подошли овцы, сопровождаемые запяленными всадниками, и мы все помогали загонять овец. Гуртовщик сказал, что сегодня они прошли только половину положенного пути, но это не имеет значения. Они

* Холден — грузовик крупнейшей австралийской автомобильной компании «Дженерал моторс — Холден'с лимитед».

разожгли большой костер, повар зажарил целую овцу и грязным топором отрубил каждому по куску жаркого. Некоторые загнали свои машины под деревья, а Фиф достала нашу постель, чтобы было на что сесть и дабы показать всем, что нам не привыкать к лагерной жизни.

Каждый вновь прибывший спрашивал, что мы празднуем, но никто не мог дать на это ответа. По этому поводу состоялось долгое совещание, но причину нашего пиршества так и не выяснили. Никто из нас в этот день не родился. До рождества еще было слишком далеко. Гуртовщик, компанейский малый и мастер пошутить, сказал, что мы пируем просто для того, чтобы убить время, но у всех времени было в обрез, а дел по горло. Ответ придумала Фиф. Она сказала, что впервые видит, как я выискиваю повод для выпивки, и что это стоит отпраздновать. Все засмеялись, потом снова пошли песни, разговоры. Дамы, которых уже стало пять, уселись отдельно у костра, чтобы посплетничать о своих мужьях. Повар носил им выпивку — он когда-то работал официантом в большом баре и знал обхождение. Я допоздна проболтал с искателями опалов о крокодилах и добыче опалов.

Мы с Фиф вползли в свой спальный мешок, должно быть, уже далеко за полночь. У костра еще оставались двое и о чем-то мирно беседовали. Подошел тяжело вздыхающий старый пес и улегся к нам на постель, потеснив наши ноги. Я заворчал на него, чтобы он убирался. Но Фиф нежным голоском велела ему остаться, и мы все заснули, а в листве и ветвях играли блики пламени костра.

2. Лучшие охотники на крокодилов в Квинсленде

Собаки гуртовщика подняли нас ни свет ни заря. После нескольких кружек чаю и бутербродов с холодной бараниной мы свернули спальные мешки. Подошли искатели опалов и спросили, готовы ли мы, и мне пришлось сказать Фиф, что я обещал отправиться с ними за опалами в Лайтнинг Ридж.

— Если повезет, можно подобрать несколько сот фунтов, валяющихся прямо на земле,— сказал я ей.— Это месторождение еще даже сверху не поскребли.

Фиф была в бешенстве. Не потому, что мы ехали за опалами, а потому, что ей об этом ничего не сказали вчера. Она холодно улыбалась и была очень вежлива с искателями опалов. Отдуваться приходилось мне. Я даже помог ей уложить кружки в ящик и поднять верх лендровера, но, если бы это было все, я бы легко отделался. Она зачеркнула записи в своем дневнике с позавчерашнего дня и даже не положила табак возле себя, чтобы свертывать мне по дороге сигареты.

Мы попрощались с приятной компанией и последовали за холденем искателей. Фиф была настолько любопытна, что примерно через полчаса простила меня. Ей хотелось узнать, где находится Лайтнинг Ридж, что это такое, найдем ли мы опалы и разбогатеет ли в мгновение ока. Я ничего не мог добавить к тому, что уже сказал, и поэтому она раздумала прощать меня и еще некоторое время дулась.

Мы подъехали к Лайтнинг Риджу после двенадцати. Проехать мимо него невозможно, потому что это единственный холм на много миль вокруг. Месторождение и в самом деле не поскребли... его перевернули вверх дном. Повсюду среди деревьев виднелись высокие отвалы горной породы, а над некоторыми ямами — небольшие ворота с ведрами на веревке, совсем как над старинными колодцами. В городке было несколько лавок, почта, пивная и грязная мостовая. Мы разбили лагерь милях в двух от городка, и поэтому воду приходилось возить издалека.

Опалы красивы необыкновенно. Они бывают всех цветов, какие только можно себе представить, чаще всего попадаются красные, оранжевые, синие и зеленые. Сверкающие камни сидели глубоко в кусках породы, которые мы находили или выкапывали из земли рядом с отвалами. Нам ни разу не попался по-настоящему ценный опал. Однако мы нашли много камней, которые выглядели очень красиво, но были не настолько чисты, чтобы их считали опалами. Почти каждый день нам рассказывали, как кто-то нашел камень стоимостью в несколько сот фунтов, но нам не везло. Я все время уверял Фиф, что все это вздор, и однажды, решив доказать ей, что эти разговоры о баснословных находках — чистые враки, повез ее к женщине, которая, по слухам, нашла опал стоимостью в две тысячи фунтов прямо на земле. Мы нашли женщину, а она и в самом деле нашла изумительный опал. Она показала его нам. Он до сих пор так и стоит у меня перед глазами. Жемчуга, бриллианты, солнце и море — все перемешали и втиснули в этот великолепный камень. Впрочем, женщина не просто нашла его, ей пришлось копать землю в течение многих недель. Вернувшись в лагерь, мы тоже копали и разгребали землю до темноты, но нам не повезло. С первыми лучами солнца мы опять были на склоне холма с новой киркой, купленной в лавке.

Ребята, с которыми мы сюда приехали, расположились в полумиле от нас, и виделись мы с ними редко. У них была машина, размалывавшая породу. Земля просеивалась сквозь сито, а среди камней потом искали опалы.

Я всегда думал, что если люди и находят драгоценные камни, то держат это в большом секрете. Однако искатели опалов этого правила не придерживались. Частенько возле нашего лагеря останавливалась какая-нибудь машина, и нас спрашивали, не хотим ли мы взглянуть на опалы. Владельцы их осторожно открывали маленькие коробочки или баночки, а в них на вате лежали красивые камни. Эти люди не собирались их продавать — просто им хотелось похвастаться. Опалы для того и существуют, чтобы на них смотреть, и нам никогда не надоедало смотреть на чужие коллекции. Но завидно было чертовски.

Несмотря на все мои старания, лучший опал нашла Фиф. Нам сделали из него дублет — к чистому опалу снизу подклеивается опаловидный материал, но в оправе такую подделку не отличишь от больших опалов,—и мы



отослали его ювелиру, чтобы он вставил камень в кольцо Фиф. Мы были женаты уже больше двух лет, а кольца ей еще не дарил. В гороскопе она вычитала, что именно так нам следует поступить с нашей самой ценной находкой. Я думал, что все-таки найду опал получше, но так и не нашел.

С неделю мы были искателями опалов, а потом в пивной Лайтнинг Риджа нам встретился человек со старой машиной и молодой собакой на поводке. Этот человек когда-то был одним из лучших профессиональных охотников на крокодилов в Северном Квинсленде, и мы снова вспомнили, что собирались поохотиться на этих хищников. Он сказал нам, что из-за крокодилов воду из реки там приходилось пить через длинные бамбуковые трубки. И еще он сказал, что стрелять крокодилов в голову бесполезно, так как мозг у них находится в позвоночнике, как у акул. Надо стрелять под лопатку, если хочешь, чтобы был толк. Лучше всего подкрадываться к крокодилам, когда они дремлют на отмелях под манграми. Ружье нужно сильное, с которым охотятся на буйволов или слонов, а пуля из моей винтовки его даже не разбудит. Он также рассказал нам, что крокодилы опрокидывают лодки одним ударом хвоста, а людей разрывают на куски. Потом закапывают эти куски в ил и едят их лишь тогда, когда они начнут разлагаться.

Часами он рассказывал, что можно, а чего нельзя делать, если нам дорога наша жизнь, но он не мог сказать нам, куда лучше ехать охотиться, потому что вот уже несколько лет как не охотился на крокодилов, а за это время многое, вероятно, изменилось. Я не помню, чему мы верили, а чему нет, но думаю, что тогда мы верили лишь тому, что отвечало нашим планам, представлениям и снаряжению, а прочее отбрасывали за ненадобностью и как беспардонную ложь.

В тот вечер мы решили, что месторождение опалов в Лайтнинг Ридже уже выработано, а на следующее утро отправились к заливу Карпентария и стали охотниками на крокодилов.

Мы с волнением ожидали переезда границы Квинсленда, но пересекли ее без всяких хлопот. Никакие чиновники не спросили нас, что мы собираемся делать и что у нас в лендровере. О том, что это была граница, свидетельствовала

ли лишь пограничный столб да шлагбаум поперек дороги. А за ними та же бесконечная дорога по той же плоской бурой равнине. И до местности, где водились крокодилы, сотни миль пути.

Мы проехали городишко Хебел, в названии которого, по мнению Фиф, было что-то библейское. Там была маленькая пивная, а около нее самая громадная в мире гора бутылок! Тысячи бутылок, куча высотой с дом. Очевидно, перевозка пустой посуды отсюда обошлась бы дороже, чем стоили сами бутылки.

И снова по равнинам, через городишки, по мостам, и снова изучение карт на перекрестках.

Чем ближе мы подбирались к северным краям, где водились крокодилы, тем больше нам встречалось лучших профессиональных охотников на крокодилов в целом Квинсленде. В Митчеле нам попался один, который сказал, что всех крокодилов уже перестреляли, что лицензию на отстрел крокодилов достать невозможно и что брать с собой на охоту женщин не разрешается. Но мы пропустили его слова мимо ушей.

Около Тамбо на дороге нам встретился маленький мальчик. В большом мешке он нес детеныша кенгуру, а в маленьком — свои пожитки. Мальчик направлялся в Брисбэн, но опоздал на грузовик, на котором собирался ехать. Люди, которые довезли его до большой дороги, уехали обратно, и он не знал, что делать. Его отец стрелял кенгуру на мясо на пастбище милях в пятидесяти от большой дороги. Фиф сказала мальчику, что он молодец, а я спросил его, кем он собирается быть, когда вырастет, и мальчик ответил: «Мужчиной». По всей вероятности, он им станет.

Дорога до лагеря его отца была дьявольски трудной, даже для лендровера. Несколько часов мы ползли по глубокой колее и сгнившим мостам. Когда мы подъехали, отец мальчика со своим напарником собирался на охоту. Он поворчал на мальчика за то, что тот вернулся, поблагодарил нас и пригласил на ночную охоту. Я согласился, так как это была отличная возможность опробовать новую винтовку с оптическим прицелом и потренироваться в стрельбе.

Итак, мы поехали охотиться на кенгуру с фарой. Фиф села рядом с водителем на переднем сиденье, чтобы не мешать, а я с отцом мальчика встал сзади с ружьем и переносной фарой. Мы видели около восьмидесяти кенгу-

ру, а подстрелили двадцать семь. Сам я стрелок не очень выдающийся, но мой напарник стрелял просто ужасно. Он сказал, что попадает во всех кенгуру и они падают потом, пробежав несколько ярдов. Просто у него винтовка слишком легкая и слабый фонарь. Мне не хотелось говорить ему, что в течение двух лет я кормился охотой на кенгуру,— ведь я был всего лишь гостем. На следующее утро мы с радостью уехали, так как я еле сдерживался, видя, как неумело он разделявает туши.

В тот день мы встретили еще одного лучшего профессионального охотника на крокодилов, который сказал нам, что реки, впадающие в Западный Залив, кишат крокодилами и что лучше всего ставить на крокодилов большие ловушки из проволочной сетки. Такой ловушкой он поймал крокодила длиной футов в двадцать семь, в желудке чудовища было полно человеческих костей. Случилось это в какой-то таинственной лагуне, куда птицы не залетают, звери не ходят на водопой и где не встретишь человека. Он Так и не сказал, где эта лагуна.

На следующий день, проехав миль двести, мы встретили еще одного лучшего профессионального охотника на крокодилов. Б ту минуту, когда он рассказывал нам о крокодилах, которые отхватывают головы у лошадей и быков, подошел еще один лучший охотник на крокодилов. Стоило им заговорить друг с другом, как они совсем забыли о нас. Они хвастались местами, в которых охотились, и числом убитых крокодилов. Лучший профессиональный охотник номер один сказал: «А я еще не упомянул тот случай, когда мы с Энди Мейкином убили в Норманби четыреста восемьдесят Пресняков и девять чептырнадцатифутовых соляников за один раз».

А лучший профессиональный охотник на крокодилов номер два в свою очередь молвил: «Это все хорошо, да только мне мелюзга не нужна, я бью самых больших. Неплохая была ночка несколько лет тому назад, когда на реке Ропер я убил дюжину соляников, каждый футов этак по двадцать длиной, и учти, в одиночку».

А лучший профессиональный охотник на крокодилов номер один ему в ответ: «Неплохо. Сам-то я не интересуюсь большими крокодилами, но в позапрошлом году у истоков Лайкхарта я вытащил крокодила двадцати двух футов длиной из водоема ярдов тридцать длиной и футов десять глубиной. И шкура отличная, первый сорт»,

Лучший профессиональный охотник на крокодилов помер два ехидничает: «Там и воды-то поди не осталось, когда ты вытащил его на берег, чтобы снять шкуру».

Мы переглянулись с Фиф — не пора ли? — и уехали. Остались ли там хоть маленькие крокодилы, чтобы мы могли потренироваться?

Мы ехали-ехали, а дороге все не было ни конца ни края. Кругом все голо и плоско. Весь мир был сотворен из пыли, и только две колеи показывали, что здесь проходили машины. Каким-то образом мы съехали с главной дороги и не могли определить по карте, где находимся. Переночевав, мы отправились дальше и ехали весь следующий день. Сменялись только цифры на спидометре, и мы занимались тем, что старались угадать, когда выскочит новая цифра. И здорово наловчились.

Начинало темнеть, когда мы прибыли в Джулия Крик. Все было пропитано пылью, а наш бедный старина лендровер выглядел очень усталым, помятым и умирающим от жажды.

Дорога от Джулия Крик до Кронкарри была настолько плоха, что мы поехали напрямик, рядом с железнодорожным полотном. Из иных оврагов я совсем не надеялся выбраться, но зато между ними ехать — одно удовольствие.

Ночь мы провели в Маунт Айза, а наутро отправились к заливу по узкой дороге, причудливо извивавшейся по склонам холмов. Холмы были не очень высокие, но после нескольких дней езды по плоской унылой равнине они приятно разнообразили вид. Повсюду торчали громадные красные муравейники.

— Словно для отпугивания летающих тарелок, — сказала Фиф.

Где бы мы ни разбивали лагерь, утром нас будили вороны. Очень умные птицы эти вороны. Я почти уверен в том, что одна из них преследовала меня всю дорогу от самого Нового Южного Уэльса, хотя бы ради того, чтобы я всегда был настороже. Они знают, когда ты собираешься взяться за ружье. Однако притворяться не стоит: это они тоже угадывают.

Мы не знали названий очень многих птиц и растений, не знали повадок птиц, и поэтому в разделе своего дневника «Какие вещи надо выписать по почте» Фиф запи-

сала: «Книги о растениях, цветах, животных, птицах и ящерицах Квинсленда».

В небольшом баре с тенистой и скрипучей верандой нам сказали, что в реке милях в пятидесяти отсюда водятся крокодилы. Их можно увидеть, если тихо идти вдоль берега. Мы бросились в машину и помчались на бешеной скорости к тому месту, где через реку перекинут мост из больших старых бревен. И были очень разочарованы. Проехать тысячи миль по стране, такой большой, что ее даже представить себе трудно, ради какой-то дурацкой струйки воды и нескольких растущих вдоль нее деревьев! Да еще стаи больших жестких скрипучих коричневых кузнечиков, которые летают повсюду, не разбирая дороги. После всех историй, которых мы наслушались, река не выглядела очень зловещей или кишашей крокодилами, но мы решили не рисковать.

Всякий раз, когда Фиф хочет поставить меня в неловкое положение, она напоминает мне, как я, сжимая в одной руке котелок, а в другой — заряженную винтовку и готовый отразить нападение крокодилов, осторожно полз к реке за водой. Несколько часов спустя я крался вдоль берега так же тихо и незаметно, как подкрадывается землетрясение. И ничего не увидел.

На следующий день мы прибыли в Ялогинду. Наконец-то мы в сердце страны крокодилов, у самого залива Карпентария. Звучит это намного внушительнее, чем выглядит на самом деле. С полдюжины домов разбросаны по бурой равнине, как игральные кости. Лавка находилась ярдах в двухстах от пивной, а между ними — только почта, гараж, полицейский участок и пустыри различной величины. Должно быть, первые поселенцы думали, что Ялогинда будет процветать и на всех пустырях вырастут магазины. Но на пустырях выросли кучи мусора и солончаковая лебеда. Казалось, город возник до появления реки Манары, глубокой, лениво несущей свои бурые воды мимо зеленых куртин мангровых деревьев. На нашей карте было показано, что Ялогинда находится на самом побережье, но никакого моря не было видно. Устье реки находилось милях в четырех, но местность была настолько плоской, что за все время нашего пребывания у залива мы видели море всего несколько раз.

В пивной нам сказали, что Дарси «такой-то» (невероятно длинная иностранная фамилия) — лучший про-

фессиональный охотник на крокодилов Квинсленда. Жил он в Ялогинде, но сейчас уехал на реку и должен вернуться дня через два. Напарник этого Дарси уехал куда-то работать смотрителем маяка, и охотник остался один. Вероятно, он будет только рад взять нас с собой на охоту. Мы уже встречались с великим множеством лучших профессиональных охотников Квинсленда, и мне не хотелось ничего решать заочно.

Мы поехали в Берктаун, расположенный в семидесяти милях от Ялогинды, чтобы скоротать время, а может, даже встретиться с еще лучшим профессиональным охотником на крокодилов, который будет только рад взять нас с собой на охоту. Было ясно, что ввести нас в курс дела должен человек опытный. В Берктауне не было ничего интересного. Мы переночевали и на следующий день вернулись в Ялогинду.

Дарси был там.

3. *Обыкновенный малый*

Нам показали его в баре. У меня уже сложилось собственное представление о профессиональном охотнике, а этот малый был похож на него еще меньше других, если не считать того, что он был босиком. Ни большого ножа на поясе, ни ружья, прислоненного к стойке. Шрамов на лице нет, руки и ноги целы. На вид обыкновенный малый, разве что волосы чуть подлиннее, чем у большинства людей.

Я подошел к нему и попросил его взять нас с женой на охоту. Он охотно согласился, но сначала мы этого не поняли. Дарси был не то чех, не то серб, не то еще кто-то, и разобрать, что он хотел сказать, было очень трудно. Он охотился на крокодилов в этих краях лет десять, а говорил по-английски так, будто учил язык по учебнику. Впрочем, напрактиковаться в разговорной речи у него не было возможности, потому что почти все это время он провел в буше. Дарси корчил гримасы, помогая себе подбирать слова, и это льстило его собеседникам, которые видели, скольких усилий стоит разговор с ними. По большей части Дарси бывал в мужской компании и имел весьма основательный запас бранных слов, но из вежливости не употреблял их. В присутствии женщины он старался вообще воздерживаться от разговора. Поначалу мы подумали, что Дарси угрюм и необщителен, но оказалось, что он устроил нечто вроде стирки своего словарного запаса и вывесил его на просушку. День — два спустя он уже говорил довольно свободно, и мы вели с ним долгие интересные беседы.

Я вспоминаю «неохотничью» внешность Дарси и думаю о том, как впоследствии изменился мой идеал охотника на крокодилов, который был такой же никчемный, как брезентовый мешок для воды, висевший на капоте нашего лендровера. Нет, Дарси был настоящим охотником и возил воду в двухсотлитровой бочке. Я хотел выкинуть мешок, когда понял, сколь он ничтожен, но Фиф воспротивилась, и он так и остался висеть на капоте как напо-

минание о том времени, когда мы собирались объехать залив с одним мешком воды.

У Дарси был большой армейский грузовик «блиц», заваленный мешками, бочками и ящиками. Весь груз, кроме хрупкой на вид лодки из клееной фанеры, напоминал кучу мусора, который собирались отвезти на свалку.

У него был большой молодой пес неизвестной породы, по кличке Прушковиц. Собака ездила вместе с Дарси в кабине и питала к его грузовику те же чувства, что и Фиф к нашему лендроверу. Прушковиц ожидал Дарси у бара и присматривал за грузовиком. Все другие собаки заходили в бар, но Дарси сказал нам, что его пес не пьет, так как кому-то из них надо оставаться трезвым, чтобы они могли благополучно добраться до лагеря. Я спросил Дарси, что означает «Прушковиц», но он не хотел говорить этого в присутствии Фиф, а когда ее с нами не бывало, я всякий раз забывал спросить. Вероятно, это и в самом деле было что-то очень неприличное, потому что иногда Дарси выдавал настоящие перлы, насколько не стесняясь присутствия Фиф, хотя обычные ругательства при ней не употреблял.

В тот день, когда мы встретили Дарси, он отправлялся на реку Николсон и сказал, чтобы мы следовали за ним. Ехать предстояло миль восемьдесят. Дарси оставалось только покинуть бар, сесть в кабину грузовика и тронуться в путь. Он уже погрузил бочки с бензином, мешки с солью и продуктами, но все еще слонялся с места на место, пока я не стал приходить в бешенство. То, что он не хвастался охотничьими подвигами и не очень стремился в путь, действовало на меня как-то успокаивающе, и я уже начинал проникаться к нему доверием. Нет, хвастуном он не был. Но мы так долго предвкушали этот час, столько проделали миль и столько наслушались рассказов, что сдерживать нетерпение было трудно. Когда он наконец завел свой «блиц» и поехал по проселочной дороге, я не стал задерживаться ни на секунду. Мы следовали за ним в огромном плюмаже пыли под самым задним бортом его дребезжащего грузовика.

Два часа по дороге, полчаса напрямик по равнине — и мы остановили машины на берегу реки Николсон, заросшем осокой и камышом. Настоящее крокодилье царство с таинственными темными омутами и склонивши-

мися над водой деревьями. Я начинал чувствовать себя настоящим охотником на крокодилов.

Мы принялись разгружать машины. Теперь, когда мы прибыли на место, я больше не испытывал нетерпения. Наконец-то мы будем охотиться на крокодилов или по крайней мере увидим, как на них охотятся.

Но что за снаряжение было у Дарси! Фиф и та удивилась. У меня были кое-какие опасения насчет ялика, который мы легко сняли с грузовика и спустили на мелководье у берега (чтобы дерево набухло и не было сильной течи), но это был еще пустяк. Дарси достал две заржавленные винтовки, затворы которых были так засорены, что еле проворачивались. Он прислонил их к дереву, одна упала в грязь и лежала там, пока я ее украдкой не поднял и не осмотрел. В свое время через мои руки прошло немало ружей, но представить себе, как можно охотиться с таким, я не мог. Дарси достал нож и воткнул его в землю возле ружей. Нож был довольно острый, но маленький и вряд ли годился для расправы с теми громадными, свирепыми крокодилами, о которых мы столько слышали. Потом Дарси вытащил небольшую фару, которая крепилась на лбу при помощи эластичной ленты и питалась от автомобильного аккумулятора. Светила она слабо, мерцала, и я едва удержался, чтобы не вызваться тут же ее починить. Серьезного ремонта не требовалось, просто где-то был слабый контакт.

Потом Дарси удалился в рощицу и переоделся в свой рабочий костюм — нечто вроде толстого подгузника, подпоясанного растрепавшейся веревкой. Подгузник был веселой расцветки, но выгоревший — похоже, что его отрезали от чехла для стула (Фиф шепотом сказала мне, что это кусок занавески). Судя по тому, что одеяние прикрывало лишь незагоревшую часть тела, оно было очень привычным. Роста Дарси был среднего — примерно пять футов десять дюймов, спина и руки — в упругих перекатывающихся мышцах. Длинные светлые волосы. Возраст — что-то между тридцатью и сорока. Определить трудно, зато можно безошибочно сказать одно: он был ловок и силен.

Экономная природа не наделила Дарси избытком плоти, но это действовало гораздо менее удручающе, чем та экономия, которую он проявил в отношении своего снаряжения.



Фиф выбрала место получше, разложила костер и немного погодя стала печь на углях пресные лепешки к чаю, который уже закипал в котелке. Дарси сбросил с грузовика груды веревок и принялся распутывать их. Среди веревок я увидел заржавленный стальной стержень длиной в восемь дюймов с большим плоским зазубренным наконечником на одном конце. Веревка, которую распутывал Дарси, была привязана к кольцу, находившемуся посередине этой штуки.

Дарси поднял голову и посмотрел на меня.

— Если хотите стать охотником на крокодилов, вы должны научиться владеть такой штукой. Это мой гарпун.

Я не скрывал своего интереса, и он достал из-под бачхла, громоздившегося в кузове «блица», длинное прямое пятнадцатифутовое древко. К тонкому концу его был привязан акулий крючок.

— Это крюк для того, чтобы поднимать крокодила со дна, если место не очень глубокое,— объяснил он.— Убитый крокодил сразу же тонет. Поэтому надо стрелять с очень близкого расстояния и быстро цеплять крокодила за ногу или за пасть.

— А если он не убит, а ранен? — спросил я.

— Сообразительность нужна в любом деле,— отвечал он.— Если увидишь большого крокодила на глубоком месте и выстрелишь, то он все равно потерян, потому что в ялик его не втащишь и на поверхности не удержишь. В таком случае надо действовать гарпуном. Гарпуны бывают разные, но меня вполне устраивает этот.

Он поднял стальной наконечник и попытался вставить его гладким концом в отверстие в толстом конце древка, но оно оказалось замураванным глиной, которая набилась туда, наверно, еще во время прошлой охоты, когда он ездил на своей лодочке, отталкиваясь им от берега как шестом. Дарси стал выковыривать глину щепкой.

— Наконечник вставляется в это отверстие и выскакивает после того, как воткнется в крокодила. Бить его лучше всего в шею. Крокодил болтается у тебя на веревке, и остается только ждать удобного момента, чтобы выстрелить.

Он вставил наконечник в конец древка и показал мне, как работает гарпун, сильно воткнув наконечник в бревно. Очень простое и на вид эффективное устройство. Интересно.

— Это теоретически, но и на практике он в большинстве случаев тоже срывается. Однако бывает всякое, и надо быть готовым к любым неожиданностям,— объяснял Дарси.

— А не нападает крокодил на лодку после того, как в него втыкают эту штуку?

— Обычно нет, иначе меня бы здесь не было. Но крокодил может случайно разбить лодку ударом хвоста или головы, когда пытается освободиться. Когда на него нападают, он думает об одном — как бы ему уйти в глубину.

— А ваш ялик крокодил когда-нибудь разбивал? Или нападал на вас? — спросил я.

— Нет. А с гарпуном у меня была неприятность всего один раз. Наконечник не выскочил из древка, крокодил стал метаться с древком и вышиб меня им из лодки.

По всей видимости, Дарси собирался на этом закончить свой рассказ, и поэтому я спросил:

— А что было дальше?

— Я упал в воду и снова быстро забрался в лодку.

— А крокодила убили?

— Да, но потерял фару, пришлось сделать конец миль в триста за новой.

— А у вас нет запасной? — невольно спросил я.

— Если бы я получше смотрел за гарпуном, запасная не понадобилась бы,— сказал он.

Черт те что!

Когда мы ПИЛИ из жестяных кружек чай со свежими лепешками, Фиф спросила Дарси, часто ли приходилось ему учить людей охоте на крокодилов.

— Многие ездят со мной, потому что интересуются крокодилами. Но редко кто приезжает второй раз, и большинство из них мне не нравится.

— И что вы с ними делаете, прогоняете? — смущенно спросила Фиф.

— Нет,— сказал Дарси.— Сам я их не гоню. Просто беру в такие места, где выдерживают только настоящие люди и крокодилы.

— А нас вы повезете в такое место, когда мы вам надоедим? — серьезно спросила Фиф.

— Нет,— ответил Дарси.— Ваш муж не турист. Он хочет стать охотником на крокодилов, и поэтому я буду его учить. Когда он научится, ему самому не захочется

оставаться со мной. Он уедет на другие реки, чтобы попробовать свои силы.

— Сколько нужно на это времени, Дарси?

— Можно бить крокодилов много лет и все же ничего о них не знать. Один человек может узнать за одно мгновение больше, чем другой за всю жизнь.

— И когда мы станем настоящими охотниками на крокодилов? — настаивала Фиф.

— Как только убьете крокодила, — ответил Дарси. И это было все, что он сказал.

Понимать его было трудно. Но чем больше мы с ним говорили, тем больше я убеждался, что этот человек знает свое дело. Только вот его снаряжение ставило меня в тупик. Лишь много недель спустя я начал кое в чем разбираться. На меня ободряюще действовало заявление Дарси, что на сей раз он интересуется главным образом небольшими пресноводными крокодилами. Они называются крокодилами Джонстона, достигают десятифутовой длины и на купающихся людей не нападают. Питаются они в основном рыбой, но не отказываются иной раз схватить то, что плохо лежит. Неосторожного человека они могут покусать весьма жестоко. Я был очень доволен, что начинаю с небольших крокодилов. В реке Николсон водятся и большие страшные соляники, но Дарси не рассчитывал на встречу с ними.

— Мы так нашумим, охотясь на Пресняков, что соляники все уйдут, — объяснил он.

Мы с Дарси заранее приладили противомоскитные сетки и, так как близился вечер, стали готовить лодку для ночной охоты. Вернее, это делал Дарси. Я же просто наблюдал и подавал то, что ему требовалось.

Он вычерпал воду из ялика и засунул черпак, сделанный из консервной банки, под среднее сиденье. Потом постелил на сиденья мешки, а на них положил заряженные винтовки.

— Чтобы стука не было, когда берешь винтовку.

Аккуратно свернув веревку гарпуна, он воткнул наконечник в щель между передним сиденьем и бортом лодки. Нож он воткнул в щель с другой стороны сиденья. Топор положил на дно лодки, предварительно постелив мешок. Потом я снял с грузовика аккумулятор, который он задвинул под переднее сиденье, подготовив все для подсоединения к нему фары. Древко гарпуна Дарси поло-

жил у борта, одним концом на корму, «крокодилий ящик» с запчастями, лампочками, фонариками, противомоскитной мазью, спичками и прочей мелочью — под заднее сиденье. Поверх всего бросил широкое самодельное весло. Из большой бочки, что стояла на грузовике, он отлил воды в пластмассовый бидон. Во время прилива, хотя течение и незаметно, от залива поднимается соленая вода. Лодочка теперь казалась перегруженной и совсем маленькой.

Почти совсем стемнело. Наскоро перекусываем и пьем чай. Дарси зажигает карбидную лампу, чтобы не проехать мимо лагеря на обратном пути. Прушковичу дается наказ сторожить лагерь, и тот с важным видом усаживается возле грузовика.

— Ваша жена может поехать с нами. Что тут такого?

Первые звезды и москиты. Лучше надеть рубашку с длинными рукавами и штаны. Потом может похолодать. Птицы молчат. С реки доносится плеск воды. Квакают лягушки.

— Табак взяли? Пора!

Мы с Фиф на заднем сиденье, Дарси на носу. Он отталкивается от берега веслом и прилаживает фару поверх своей помятой старой шляпы. Лодочка медленно скользит по тихой реке, выбираясь на глубокое место. О черт, как мала эта лодка! Почему бы ему не завести лодку побольше?

Свет фары прорезает темноту и рыщет по обоим берегам реки, скользя то вверх по течению, то вниз. (А в какую сторону все-таки течет эта река?) Потом Дарси берет весло и легкими сильными взмахами гонит лодку вперед. Два взмаха слева, два взмаха справа, а вода даже не шелохнется — ни ряби, ни плеска. Скользим, словно в космосе. Тонкий яркий луч фары, точно палец, тычется в темные уголки берегов, нависших над рекой. О том, что мы движемся, можно узнать только по деревьям, скользящим на фоне неподвижных звезд. Слишком быстро, непохоже, что нас ждет занятие, требующее особой осторожности и сноровки.

У меня такое ощущение, будто меня вынуждают на какой-то отчаянный шаг. Я бы предпочел посидеть немного в лодке, привыкнуть к этой атмосфере.

Сотни рыб начинают вдруг метаться в луче света и с громким плеском бросаются в темноту. Кругом звуки.

Вамп! Вамп! Вамп! Это валлаби*. Ему и страшно, и любопытно. Хочется и удрать, и остаться. Он идет на компромисс — скачет вдоль берега. Писк, урчание, скрежет, треск. Луч метнулся назад, на то место, где только что побывал, — и вот они... Да, это, несомненно, глаза крокодила. Светящиеся красные точки на бесцветной шире реки. Это не шишковатая голова, не изогнутый хвост и даже не сами глаза. Лишь красные искры, тлеющие в камышах на противоположном берегу.

Лодка скользит прямо к немигающим глазам на другом конце луча. Подавшись вперед, Дарси сидит на носу нашей стремительной лодки и решительно ударяет по воде широким веслом.

Все ближе и ближе. И вот мы уже почти у самых красных угольков. Дарси ловко гребет одной рукой, а другой берет винтовку. Мы все еще видим одни глаза. Дарси кладет весло на колени и поднимает винтовку. Его плечи закрывают от нас глаза крокодила. Мы, наверно, наскочили на него. Я так ждал этой минуты, и вдруг меня охватывает ощущение гадливости. Я откидываюсь назад и хватаюсь за борт лодки.

Раздается выстрел, всплеск, и в луче света крокодил всплывает вверх белым брюхом. Дарси поддевает его концом весла, чтобы не дать утонуть, и рукой зажимает пасть. Он подтягивает голову крокодила к лодке и ощупью находит топор. Два удара по шее перебивают позвоночник. Не разжимая руки, Дарси ведет пасть вдоль борта и передает ее мне. Моя дрожащая рука нервно сжимает холодный нос. Двумя рывками я переваливаю крокодила через борт и укладываю на дно лодки.

Пресняк длиной шесть футов. В темноте я ощупываю холодную шершавую кожу моего первого крокодила, а Дарси тем временем закуривает и спокойно рассуждает, где бы нам добыть еще одного — двух крокодилов.

Фиф сказала мне потом, что она не испугалась, так как с нею был я; ее немного нервировали необычные звуки, да и то потому, что было темно. Вот это да!

Проехав по реке с милю, мы убили еще двух Пресняков и услышали того, кого Дарси назвал «здоровенной дубиной»: впереди нас что-то бросилось с берега в воду с таким грохотом и плеском, будто рушился мир. Вскоре

* Малый австралийский кенгуру.

мы подплыли к большой мели. Нам пришлось выйти из лодки и тащить ее волоком ярдов сто по грязи и мелко-водью. Дарси сказал, что почти все местные реки в сухой сезон пересыхают и превращаются в цепочку длинных лагун.

В эту ночь мы добыли шесть Пресняков. Часа в три утра мы подплыли к тому месту, где на берегу слабо мерцала карбидная лампа Дарси. Прушковиц подбежал, чтобы доложить, что все в порядке, и взглянуть на наших крокодилов. Мы выпили по кружке чая с хлебом, захваченным из Ялогинды, и влезли в спальные мешки, упрятанные под противомоскитные сетки. Фиф уютно устроилась у меня на руке, и вскоре мы согрелись и успокоились. Потом она прошептала мне одну из наших любимых присказок и заснула. А я еще лежал, думая об охоте на крокодилов.

Я начал охотиться на свиней, оленей и кенгуру под-ростком. Винтовку я брал тайком, когда мой старик бывал в отъезде. Но такой охоты, как нынешняя, я и представить себе не мог. То ли еще будет, когда мы доберемся до крокодилов, которых Дарси называет «здоровенными дубинами»!

Удивительный малый этот Дарси. Настоящий охотник на крокодилов!

Утром Дарси показал нам с Фиф, как надо снимать шкуру с крокодила, как скоблить и солить ее. Он сказал нам, что хребтовики отличаются от пузатиков и ценятся дешевле и что очень важно знать, как солить и хранить шкуры.

Я горел желанием взяться за дело сам, но Дарси сказал, что у меня будет достаточно практики потом, а сейчас самое главное — смотреть и учиться. У него ушло два с половиной часа на то, чтобы отскоблить и засолить шкуры шести крокодилов, которых мы убили накануне вечером, причем он объяснял нам все свои манипуляции.

После ленча мы погрузили все на машины, переправились вброд через обмелевшую реку Николсон в миле от стоянки вниз по течению и ехали часа два по равнине к реке с песчаным ложем, где, по словам Дарси, было очень много Пресняков. Лагерь разбили на отлогом берегу, где кончалась цепочка камней, пересекавшая русло

пересохшей реки. Дарси и я добыли в ту ночь тринадцать крокодилов.

Два из них годились на чучела, им было не больше двух лет. На чучело идет крокодил длиной от девяти дюймов до двух футов. Надо осторожно подплыть к такому крокодилу вплотную, быстро и крепко схватить его за шею и сунуть в мешок, лежащий на дне лодки, не позабыв завязать мешок, потому что даже в таком возрасте они могут здорово укусить. Дарси обдирал их особым способом, натирал солью шкуру и голову и распяливал их. Делал он это весьма профессионально. Покупали чучела жители ближайших городков и путешественники, платя по три шиллинга за дюйм. Я удивился, что Дарси не применяет мышьяк или что-нибудь в этом роде для консервации шкур, идущих на чучела, но он сказал, что первые его чучела выглядят сегодня так же хорошо, как и семь лет назад, когда он их сделал. Позже он научил Фиф набивать чучела, и она стала делать это не хуже самого Дарси.

Я все-таки решил попробовать снимать шкуры, встал на рассвете, наточил нож, как бритву, и был преисполнен рвения. В тот день я кое-чему научился. Был посрамлен, когда прорезал дыру в первой шкуре. И еще в одной. Нервничал, боясь вызвать неодобрение Дарси. Усвоил разницу между хребтовиками и пузатиками.

— Любой крокодил, ширина брюха которого меньше шестнадцати дюймов, является хребтовиком.

Вскрываю брюхо и продолжаю разрез до самого кончика хвоста. От этого разреза делаю перпендикулярные надрезы с внутренней стороны лап, как показывал Дарси. Снимать шкуру надо осторожно. Особенно с лап и под челюстью. Каждый порез обходится в фунт.

— Пока не привыкнете, вам надо пользоваться не таким острым ножом,— не сердясь сказал Дарси.— Мясо можно соскоблить, а вот дыры в шкуре не залатаешь.

Дарси пользовался двумя ножами. Маленьким прямым ножом он надрезал брюхо, а большим изогнутым — снимал шкуру. Его он держал как пишущую ручку, работая только самым кончиком.

Перевернутая лодка лежит в тени («Никогда не оставляйте шкуры па солнце, иначе они будут шелушиться»), а Фиф стоит на коленях у воды и соскабливает со шкур мясо каким-то инструментом, похожим на большой

нож для чистки рыбы. Мясо крокодила белое, жесткое, похожее на рыбье. Дарси его пробовал и говорит, что это прекрасное мясо, если нет ничего другого. Прушковец не ест его даже в вареном виде. Я его понимаю.

Надо подменить Фиф, пусть отдохнет. Мне осталось снять всего три шкуры. Фиф совсем упарилась. А обработала всего две шкуры. Чертовски трудная работа! Снимать шкуры и то легче. Бедняжке Фиф достается. Вон как она сидит на берегу, старается и виду не показывать, что устала.

— Фиф, согрей нам котелок чаю.

Теперь я скоблю, скоблю. Надо попытаться делать это легкими и быстрыми движениями, как бы тереть. Но тогда скребок скользит по мясу, я замечаю, что дело не движается, и снова начинаю с усилием сдирать мясо со шкуры.

Дурень, достань из лендровера напильник и заточи скребок. Тупой совсем. Не спеши, пусть руки отдохнут. Ты обратил внимание, что конец с одной стороны заточен под углом, а с другой — плоский? Вот так и затачивай. А теперь снова скоблить.

Немного легче, но скребок прорезал дырку в шкуре. Теперь он слишком острый. Надо притупить немного об камень. Снова скоблить. Попробовать, что ли, левой рукой? Не выходит.

Одну кончил! Смываю ошметки мяса и бросаю шкуру в воду у берега рядом с теми, которые еще не обработаны. Следующая. Пот и волосы лезут в глаза. Дарси кончает снимать последнюю шкуру.

Кружка чаю и перекур.

— Дарси, если хотите, я поскоблю остальные, пока вы будете солить. (О черт, что ты говоришь!)

Но Дарси считает, что скоблить его очередь, и на вид это получается у него легче. Берусь за следующую. Должен же быть более легкий способ. Попробовать проволочной щеткой? Или придумать что-то вроде безопасной бритвы, чтобы не порезать шкуру? Или привинтить⁴ лезвие к кузову грузовика и скоблить о него шкуру? Выварить ее? Положить на муравейник? Нет. Продолжай-ка работать скребком.

Все шкуры обработаны. Рука горит, спина разламывается. Теперь засолка. Расстилаем шкуры в тени на траве, самую большую вниз. Из мешка горстями черпаем

мелкую соль и ровным слоем посыпает шкуры. Порезы на руках жжет. Соли не жалеть, она дешевле крокодиловых шкур. Хорошенько втирает соль во все складочки и края. Берет еще две полные горсти соли и посыпает для верности. Поверх кучи кладет еще одну большую шкуру и то же самое проделывает с ней.

По указанию Дарси загибаем внутрь края шкур и скатываем их, начиная с головы. Следим, чтобы соль не высыпалась. Фиф держит мешок, а я укладываю в него шкуры. Каждый раз посыпает несколькими горстями соли. Укладываем мешок на грузовик. Заваливаем его другими набитыми мешками, укрывая от солнца. О черт, да они тяжелые. Дарси наблюдает за мной и одобрительно кивает.

— Вас нетрудно учить,— говорит он,— потому что вы хотите научиться.

Который час? Уже час дня. Падаю на постель возле Фиф и закурываю. Может, сегодня Дарси отменит ночную охоту? Не мешало бы немного отдохнуть. Ни один из «лучших» охотников на крокодилов, которые встретились нам по дороге, ничего не говорил о скоблении шкур. Стрелять-то крокодилов легко...

Обедаем и два часа отдыхаем, спасаясь под противомоскитной сеткой от мух. Читаю дневник Фиф и исправляю ошибки. Потом слоняюсь по лагерю и жду, когда Дарси начнет подготовку к ночной охоте.

4. *Прушковец*

На реке с песчаным ложем мы пробыли четыре дня и добыли сорок одну крокодилью шкуру. Потом мы пересекли знойную равнину и, поплутав среди зарослей, выехали к небольшой лагуне, уже знакомой Дарси. Она имела ярдов пятьдесят в длину и двадцать в ширину и лежала в зеленом кольце деревьев. Дарси сказал, что здесь мы убьем пятнадцать — двадцать Пресняков, а потом вернемся в Ялогинду, чтобы отослать шкуры. Вода в лагуне напоминала жидкую грязь, но та, что мы пили до сих пор, была еще хуже: она была соленой и отдавала ржавчиной. Выбирая место для лагеря, мы заметили с полдюжины крокодильих спин. Это было приятной неожиданностью, и я подумал, что в таком маленьком водоеме бить их будет легко. Но это была не последняя неожиданность. Мы развели костер почти у самой воды и повесили противомоскитные сетки под большим раздвоенным деревом, между двумя стволами которого, как обнаружила Фиф, было очень удобно сидеть. Дарси достал свой старенький радиоприемник и подсоединил его к батарее лендровера, а Фиф подружилась с маленькой ящерицей, прибежавшей послушать музыку.

Из кучи хлама в кузове грузовика Дарси выкопал сеть с ячейками в четыре дюйма и натянул ее поперек лагуны.

— Как только крокодил хватается сетью зубами, он пойман: начинает биться, запутывается и захлебывается.

Прушковец нашел под бревном большую желтую игуану и схватил ее за хвост. В результате этой встречи Прушковец остался с покусанным носом, а Дарси получил игуану и снял с нее шкуру для чучела.

В тот вечер мы осветили фарой лагуну, и крокодилы глаза загорелись в таком количестве, что, казалось, перед нами большой ночной город. Я полагал, что крокодилов там штук пятьдесят, но Дарси сказал, что их двадцать пять. Все равно это было величественное зрелище. Мы плавали по лагуне часа два, но крокодилы близко к себе не подпускали. Из-под толщи воды доносилось глухое

урчание — по словам Дарси, это ревели под водой крокодилы. Подстрелили пятерых, по они все утонули, прежде чем мы успели до них добраться. Лагуна была слишком глубокой, и шест не доставал дна. Раздосадованные, вернулись в лагерь.

Дарси сказал, что лучше всего было бы перестрелять крокодилов, а потом ждать, пока они всплывут на поверхность.

— На это уйдет несколько дней, в зависимости от глубины и температуры воды. Если мы вытащим их сразу же, как они появятся на поверхности, то шкуры не испортятся. Но нужно внимательно проследить, чтобы в водоеме не осталось убитых крокодилов, не то мы потеряем доверие управляющего ближайшей овцеводческой фермы и он не даст нам больше разрешения на отстрел крокодилов в своих владениях.

На следующее утро мы вытянули сеть. В ней оказалось только два маленьких крокодила и две красивые большие баррамунды. Вкусная рыба. Даже Дарси удивился, увидев этих рыб-аристократок в такой грязной маленькой лагуне. Один из крокодилов запутал сеть вокруг кола, и нам пришлось разорвать ее, чтобы достать пресмыкающееся. Дарси сказал мне, чтобы я шел бить крокодилов в лагуне, пока он чинит сеть.

— Считайте, пожалуйста, убитых, чтобы мы знали, сколько надо потом подобрать, — сказал он.

Наверно, у меня был немного глупый вид, когда я в восторге бросился бежать. Мне не терпелось испробовать на крокодилах свою новую винтовку с оптическим прицелом. Это был самый подходящий случай. Я засел на берегу и за ночь убил тринадцать крокодилов и стрелял еще в трех, но не знал, убил ли их.

С первым же выстрелом все крокодилы исчезают с поверхности. Но ждать их приходится недолго. Над водой появляются два маленьких зеленых бугорка глаз и ноздри — этого достаточно, чтобы глотнуть воздуха. Потом крокодил бесшумно ныряет. Тщательно прицелиться не удается: крокодилы всплывают в самых неожиданных местах. Если крокодил поднялся на поверхность и выстрела не последовало, то он высунется из воды в том же месте еще раз. В противном случае он все время меняет позицию.

Я ни разу не видел, чтобы крокодил показался из воды в полном смысле слова. Они так осторожны, что появля-



ются и снова исчезают, как призраки. Мне показалось, что крокодил остается под водой минут пятнадцать, но Дарси сказал, что это зависит от длины и возраста крокодилов и колеблется от пяти минут — для небольших Пресняков — и до часа с лишним — для больших старых соляников. Впрочем, если они ранены или очень возбуждены, время пребывания под водой сокращается. Мне представился отличный случай познакомиться с крокодилами поближе, и я узнал многое в тот день.

Такая охота может показаться немного жестокой. Я добывал много кенгуру, оленей, кабанов, и мне до сих пор становится не по себе, когда я подраню животное. Поэтому я стараюсь выследить его и прикончить. Но мне никогда не приходилось слышать о подобных переживаниях по поводу крокодилов. Есть в них что-то неприятное, злое, и поэтому жалости к ним не испытываешь.

На следующий день Дарси сказал мне, что, если попасть крокодилу в нос и повредить дыхательный клапан, он не может находиться под водой и захлебывается. Ему приходится выползать на берег. Так же поступают больные или тяжело раненые крокодилы. Поэтому я должен попробовать попадать в нос тем крокодилам, которых не подстрелил накануне. Нам не хотелось оставаться долго у лагуны и ждать, пока все крокодилы всплывут на поверхность.

На этот раз я забрался на дерево: стрелять оттуда удобнее, а крокодилы меня не видели. Любое движение на берегу в этой равнинной местности заметно на фоне неба, а у крокодилов невероятно острое зрение. Мне надо было попадать в самый кончик крокодилого носа — в цель величиной с монетку. Многие пули пошли за молоком. Но когда я попадал, было на что посмотреть: крокодил с шумом исчезает под водой, как и те, по которым я промахивался, но спустя несколько секунд всплывает, выставив морду из воды, мечется, делая круги по лагуне, а потом выползает на берег. Я покричу Дарси, и он подплывает на лодке и приканчивает его из своей винтовки, которая иногда давала осечку.

Случалось, что пуля только заденет нос крокодила и он нырнет и зароется головой в ил на дне лагуны. А потом, когда я уже махну на него рукой, выскакивает на поверхность воды. Когда Дарси подоспевает к нему с гарпуном, он ныряет снова, но стоит Дарси отъехать, как кро-

кодил опять всплывает. Это повторяется снова и снова, пока Дарси не воткнет в него гарпун. А как крокодилы кусают веревку! Не хотел бы я, чтобы в воде на меня напал даже пресняк. Надежды на спасение было бы мало. У Дарси есть теория, согласно которой пресняки неопасны для человека только потому, что невелики по размерам.

— Соляник футов десять длиной тоже не опасен для людей и скота... как правило.

Прошло несколько дней, прежде чем крокодилы начали всплывать, но времени мы даром не теряли.

— Давайте поговорим,— начнет бывало Фиф, стараясь использовать вынужденное безделье.

— О чем? — спросит Дарси.

— Расскажите нам о реках,— скажет Фиф.

И Дарси рассказывает нам о реке Ропере, или Лиммен-Байте, или о какой-нибудь другой, в которой водятся крокодилы.

Он проучился два года в университете, пока война не перевернула его жизнь вверх дном. Его забрали в солдаты, когда ему было семнадцать. Не знаю, на чьей стороне он воевал, но, насколько можно понять из его рассказов, ему приходилось где-то патрулировать и кого-то брать в плен. Кажется, он и сам бывал ранен и попадал в плен. Потом он дезертировал, был судим военным трибуналом и прощен, вместо того чтобы получить медаль за какой-то героический поступок.

За десять лет, прожитых у залива, он узнал Австралию с самых разных сторон гораздо лучше, чем знали ее мы. Вот и подумаешь... Во всяком случае у нас было меньше времени, чем тем для разговоров, но всякий раз мы сворачивали на крокодилию охоту. Мы так и не узнали, что же заставило Дарси заняться охотой на крокодилов. В большинстве случаев он работал в одиночку. Время от времени у него бывали напарники, но они, очевидно, не могли выдержать ни одиночества, ни Дарси и отправлялись искать работу поближе к цивилизации и людям. Когда он был на мысе Кейп-Йорк, один из напарников повез в город на продажу крокодилий шкуры. С тех пор Дарси о нем ничего не слышал.

Во время одной из таких бесед Дарси рассказал нам, как аборигены племени майол в Арнхемленде переправляются через реки. Когда аборигенам во время перекочевки

приходится перебираться через реку, они останавливаются в полумиле, отдыхают и распределяются по группам. Затем они бросаются в воду и переплывают реку. К тому времени, когда появляются крокодилы, в воде остаются только самые старые и самые слабые.

— Крокодил почти всегда хватает последнюю лошадь, корову или человека, если у него есть выбор.

Это удобный способ избавляться от слабых людей, но не хотел бы я быть старым аборигеном... а, впрочем, если подумать, это не так уж плохо. По крайней мере тебя не выгоняют из семьи в награду за старость, не оставляют умирать среди чужих, как это делаем мы. Абориген знает, что его ждет и почему... Личные взаимоотношения тут ни при чем.

Дарси рассказал нам и о крокодиле восемнадцати футов длиной, который дефилировал по реке перед лагерем чернокожих, держа в пасти кричащую девочку. Время от времени он окунал ее, потом опять поднимал, и снова девочка вырывалась и истошно кричала. Когда крокодилу это надоело, он сомкнул челюсти и ушел под воду. На поверхности еще оставалась девочка, медленно погружавшаяся в пятно собственной крови, и это было последнее, что видели люди.

После этого рассказа я долго молчал и потом спросил Дарси:

— Почему вы не выстрелили в крокодила?

— Я не мог стрелять... боялся попасть в девочку, — ответил он. — И к тому же от этого зрелища у меня все поплыло перед глазами.

Это случилось лет за шесть до того, как Дарси стал пленником сезона дождей и был принят в племя аборигенов на одной из рек Арнхемленда.

Во время наших бесед Прушковиц всегда присоединялся к нам и вежливо слушал, глядя в рот тому, кто говорил. Однако он никогда не мешал, потому что был собакой, а собак, которые перебивают хозяина, когда он говорит, отсылают сидеть под грузовиком, как отсылают спать маленького мальчика.

Мы с Фиф только сейчас стали понимать, что за чудесный пес этот Прушковиц. Сначала мы его почти не замечали, потому что он был очень благовоспитан. А Дарси никогда не хвастался им, как не хвастался ничем другим.

Ни одна змея не могла подползти к лагерю, чтобы Прушковиц не предупредил нас об этом. Мне кажется, что он был специально натаскан на змей. Фиф находилась у него под особой охраной. Когда она уходила из лагеря или шла купаться, Прушковиц с важным видом бежал впереди и все время был настороже: а вдруг ей грозит какая-нибудь опасность? Дарси был не против того, что его пес проводит так много времени с Фиф. Он поощрял это.

Никогда не забуду, как он говорил:

— Самое большое удовольствие для моего пса — присматривать за людьми, и, чем большая ответственность, тем больше удовольствие. Он смотрит за вашей женой лучше, чем мы с вами, потому что он только об этом и думает. Для Прушковица мир, полный опасностей, — самый прекрасный мир. И если собаке некого охранять, она чувствует себя только наполовину собакой.

Как-то вечером я взял с собой Прушковица поохотиться на диких свиней. Мы убили громадную старую свинью, и я подвесил ее на дерево, чтобы забрать мясо на следующий день. Потом я стал плутать по равнине, не находя дороги назад к лагуне. Мы с Прушковицем немного поспорили о том, в какой стороне находится лагуна, и я настоял на своем. Среди высокой травы мы нашли следы колес лендровера и грузовика и шли по ним мили две при свете луны, пока я не понял по отпечаткам шин на глине, что мы идем не в том направлении. Стоило мне повернуть в нужном направлении, как Прушковиц, который до того плелся следом, тотчас возглавил шествие.

Добравшись до лагеря, я рассказал Дарси и Фиф, что мы убили свинью и что на это ушло много времени. Не стоило говорить им, что мы заблудились, особенно Фиф. Не хотелось подрывать ее горячей веры в мои способности.

На следующий день мы поехали за подвешенной на дерево свиньей, и нам стоило великих трудов отыскать ее. Ландшафт там всюду однообразный. Мы засолили около сорока фунтов свинины, но так и не прикоснулись к ней. Ее стащило из кузова «блица» какое-то жулье, случайно оказавшееся в Ялогинде одновременно с нами неделю спустя.

В другой раз, когда я решил пройти при лунном свете, вдруг послышался лай Прушковица, обычно означавший: «А ну-ка подойди и взгляни, что тут такое».

У меня с собой не было ни ружья, ни даже ножа, а от лагеря я уже удалился на значительное расстояние. Я побежал на лай, подняв по дороге здоровенную палку. Может быть, это всего лишь игуана, сидящая на дереве.

Прушковец бегал вокруг шестифутового крокодила, лежавшего в иле у пересохшего края неглубокого водоема. Не буду вдаваться в подробности, но в конце концов я умудрился убить крокодила палкой. С крокодилом через плечо я зашагал в лагерь и небрежно сбросил его у воды, чтобы завтра снять с него шкуру. Фиф и Дарси ожидали моего рассказа о том, как мне удалось поймать большого пресняка голыми руками, но я бесстрастно повествовал о чем-то другом, делая вид, что ничего особенного не случилось. С моей стороны было бы наглостью умолчать о заслугах Прушковица в этом деле, и поэтому я рассказал Фиф кое-какие подробности. Она назвала меня старым прохвостом, и мы весело провели вечер, придумывая, к каким последствиям может привести эта история.

Несколько дней спустя я нечаянно услышал, как Дарси с явной гордостью рассказывал в ялогиндской пивной о том, как я поймал крокодила длиной шесть футов. Дарси не умел говорить шепотом.

Убитые крокодилы стали всплывать на поверхность лагуны по два, а то и по три. Два дня мы были заняты тем, что снимали шкуры и скребли их. Когда мы выловили, на наш взгляд, почти всех крокодилов, Дарси решил отвезти шкуры в Ялогинду. Наступало полнолуние, и поэтому охотиться с фарой стало трудно. Мы ехали прямоком по равнине в направлении, известном одному Дарси.

Мы уже выезжали на проселочную дорогу, которая вела к переправе через реку Николсон, когда грузовик Дарси передними колесами провалился в заросшую травой канаву, а носом уткнулся в насыпь с таким видом, будто хотел ее сдуть. С машиной ничего не случилось, но мотор заглох. Дарси никогда не пользовался стартером, потому что сэкономил аккумулятор для охотничьей фары, и стартер давно уже пришел в негодность. Я пытался лендровером вытянуть его грузовик назад, но не мог сдвинуть с места. Встал вопрос, что легче сделать: снять стартер и исправить его или прорыть в насыпи канаву, чтобы можно было вставить ручку. На всякий случай мы решили испробовать оба способа. Я копал, а Дарси снял стартер, почи-

нил его и поставил обратно. Мы кончили одновременно, но завели мотор ручкой, потому что Дарси не любил понапрасну тратить электричество. Со страшным ревом, содрогаясь и буксуя, грузовик выбрался из канавы, и мы поехали дальше.

Когда мы подъехали к переправе через реку Николсон, наступило время прилива, и вода поднялась по грудь. Оставалось только ждать, когда спадет вода. Мы поставили машины в тень под деревья, вскипятили чай и поели холодной баррамунды с хлебом, испеченным Фиф в походной печи.

Фиф все еще была расстроена тем, что наш лендровер не мог вытащить грузовик Дарси из канавы. Чтобы утешить ее, я для видимости немного покопался в моторе и сказал ей, что в коробке скоростей обнаружил неполадки с зажиганием, и выразил удивление по поводу того, что с такой неисправностью наш лендровер двигался вообще.

Включение переднего моста, или первой скорости, когда мы едем с Фиф, обычно затмевает для нее все события дня, хотя она и понятия не имеет, что это такое. Первая скорость для нее что-то вроде волшебной палочки, заставляющей лендровер совершать чудеса.

— Включи передний мост, милый! — просит она, как только мы оказываемся на скверном участке дороги, хотя в этом еще нет ни малейшей необходимости.

Когда я бывал в настроении, то устраивал настоящее представление, включая передний мост и для пущей важности вертя баранку то вправо, то влево. Фиф скачет на сиденье, как кенгуру, попавшее в кроличий капкан.

— Первую скорость, милый, — говорит она, когда я нарочно направляю машину в грязь. — Поехали туда, дорогой. Осторожно! Какое хорошее место! Интересно, взберемся мы на ту насыпь? На ту, где длинная трава и бревно.

А переезд через реку или ручей, когда надо снимать ремень вентилятора, а вода просачивается в кабину, долго еще служил ей темой для разговоров.

Лендровер был нашим единственным по-настоящему ценным имуществом, и поэтому я старался обращаться с ним осторожнее, следил за ним, и он был у нас в довольно хорошем состоянии. Я возил с собой столько запасных частей, сколько мог предусмотреть поломок. Случалось, я менял части, но Фиф говорил, что просто добав-

ляю их. Бог знает что бы случилось, если бы мы попали в аварию и угробили машину. Все страховые компании мира не могли бы компенсировать Фиф потерю нашего лендровера. Это меня тревожило.

Дарси дремал под грузовиком, а мы с Фиф отправились к броду поплавать голышом.

Прилив не спадал весь день. Дарси ненадолго проснулся и объяснил нам, что прилив или отлив в заливе может продолжаться по нескольку дней из-за ветра и небольшой глубины. Например, однажды он видел три высоких прилива за один вечер. Итак, мы стали ждать.

После ужина мы с Фиф, утомленные плаванием, забрались в постель, а Дарси пошел караулить прилив. Он разбудил нас около полуночи. Вода в реке спала настолько, что, если двигаться осторожно, можно проскочить на тот берег, но она снова начинала подниматься, так что надо было спешить.

Мы переправились благополучно, не считая промоченных ног, и разбили лагерь на другом берегу. Дарси сказал, что Ялогинда все равно будет ждать рассвета, следовательно, с таким же успехом подождет и нас, и улегся спать поверх своего спального мешка, повесив только противомоскитную сетку.

На следующий день мы торжественно прибыли в Ялогинду и выгрузили на складе наши мешки с крокодильими шкурами. Им предстоял еще дальний путь.

— Все теперь будут говорить: «Вот это охотники на крокодилов!» — сказала Фиф.

Мы поехали к пивной. В Ялогинде делать больше нечего, только ездить в пивную да обратно. Так поступил бы любой охотник на крокодилов после удачной охоты, и мы тоже ничего не имели против такого порядка, тем более что делать было нечего. Взяв несколько банок пива, мы пили его у стойки и болтали о крокодилах с таким видом, будто занимались охотой на них всю жизнь.

За очень короткое путешествие, короткое как по времени, так и по расстоянию, мы добыли более шестидесяти шкур крокодилов. По тому, как Дарси рассказывал обо всем, было видно, что он доволен и добычей, и нами.

Фиф собиралась зайти в маленький домик, где располагалась почта, чтобы отправить письма, и спросила у Дарси, не надо ли ему отослать что-нибудь. Однако он даже не знал, жив ли кто из его родственников.

5. Ялогиндская пивная

Я подумывал, не пора ли нам отправиться за «здоровенными дубинами», о которых говорил Дарси, но сам он о новом совместном путешествии не заговаривал, а мне не хотелось навязываться. Он был так деликатен, что, возможно, не отказал бы нам, но я не хотел пользоваться этим и ловить его на слове. Фиф была того же мнения, я понял это по нескольким оброненным ею словам. Я решил перед разговором с Дарси посоветоваться с ней, но пока ничего не затевал.

Мы пьянствовали все утро. Потом тут же в пивной устроили ленч. Снова пили и тут же поужинали. Хотя Фиф пила немного, она очень устала, к тому же публика в баре расходилась все больше и больше. Компания молодцов с какой-то овцеводческой фермы вовсю наслаждалась жизнью. Я решил увезти Фиф и устроиться где-нибудь на ночевку.

Когда Дарси закончил какую-то песню, которую он повторял все снова и снова, я сказал ему, что мы с Фиф собираемся уехать и разбить где-нибудь лагерь. Он искренне огорчился и, осторожно развернув на стойке карту, пальцем показал нам хорошее место для лагеря, на берегу реки Манары, за мостом, милях в трех от города. На машине мы доедем прямо до этого места, и никто нас там не потревожит. Дарси не знал, где он проведет эту ночь и что будет делать, но завтра в шесть утра мы встретимся с ним в пивной. Я заметил, что это немного рановато, он согласился и сказал, что будет ждать нас в пивной весь день. Больше всего Дарси беспокоило, приедем ли мы, и мне пришлось несколько раз повторить ему, что мы непременно будем в пивной.

Он проводил нас до лендровера, мы пожали друг другу руки, поблагодарили за все, потом Фиф и я, вскочив в машину, уехали. Из-под грузовика вылез Прушковец, чтобы вместе с Дарси проводить нас. Было грустно, как при расставании навек.

Мы не смогли отыскать именно то место, о котором говорил Дарси, но нашли другое, показавшееся нам вполне подходящим. Прижавшись друг к другу, мы разговаривали, пока не уснули. Мне снились крокодилы, и во сне я разговаривал, если верить Фиф, которая разбудила меня рано утром, потому что ей было одиноко.

Под деревьями ярдах в ста от нас стоял грузовик Дарси, с одного его борта свисал брезент и веревка гарпуна. Мы разложили костер и приготовили завтрак. Прушковиц подошел к нам поздороваться, и Фиф предложила пойти к Дарси и попросить, чтобы он взял нас обратно. Я возразил, что мы и не уезжали от него, но она сказала, что я знаю, о чем идет речь, и если я этого не сделаю, то она самаходит к Дарси и попросит его об этом.

Я налил в кружку чаю для Дарси и отправился на переговоры. Фиф я приказал остаться, потому что она могла все испортить. Она надавала мне уйму советов насчет того, что говорить Дарси, но я пропустил их мимо ушей. Можно подумать, что я собирался с ним подраться...

Дарси сидел в спальном мешке, прислонившись к колесу грузовика. Вид у него был не самый блестящий, но, увидев чай, он оживился. Мы немного поговорили о том, о сем, потом я спросил, не одолжит ли он наконецник своего гарпуна, чтобы малый из гаража сделал мне такой же. Он сказал, что может дать мне свой запасной, и тут же хотел его найти, но я сказал ему, что спешить некуда.

Потом я спросил, где можно достать лодку, такую же, как у него, и он сказал, что в этих краях достать лодку очень трудно. Мы опять поговорили о том, о сем, и я спросил его, где лучше всего охотиться на больших крокодилов. Он сказал, что самые большие и коварные крокодилы залива живут немного выше по той самой реке, у которой мы находимся. Он сам думал, не поехать ли за этими крокодилами.

Я, разумеется, сказал ему, что и не мечтаю поехать туда, где он хочет охотиться сам, а он мне возразил — нет, раз я первый надумал это, то он не будет отнимать мою реку. Наконец Дарси решил, что нам остается только одно — каждый вложит в будущее предприятие свой пай: я реку, а он лодку.

— Во всяком случае на этих «здоровенных дубин» лучше охотиться вдвоем. Затраты на продовольствие и

деньги за добытые шкуры мы делим пополам и вместе охотимся на Манаре.

Две секунды я делал вид, что тщательно обдумываю это предложение, и согласился. Дарси должен был дня на два задержаться в Ялогинде, потому что ожидал каких-то известий. Он хотел сделать несколько чучел, чтобы отправить их на ежегодные скачки в Грегори, которые состоятся примерно через неделю, и, если Фиф все еще интересно, он рад будет научить ее, как их набивать. Я сказал, что передам ей это.

Прушковец пошел со мной к Фиф с таким видом, как будто это он все устроил. Я рассказал ей, что выложил Дарси все напрямик, и что он умолял нас поехать с ним на охоту, и что я потребовал половину денег, которые мы выручим за шкуры (вот ей за ее сомнения в том, что я не осмелюсь первым заговорить с Дарси).

— Я напомнил ему, что он обещал научить тебя делать чучела,— сказал я.— Он будет набивать их сегодня и покажет тебе...

Я жалел только, что при сем присутствует пес Дарси. Врать при нем было как-то неловко: ведь он слышал разговор. Порой его взгляд приводил меня в замешательство... а может быть, это просто говорила моя нечистая совесть.

Фиф сперва забеспокоилась, не обидел ли я Дарси, но, когда он пришел, чтобы раздобыть у нас что-нибудь на завтрак, она убедилась, что его могло глотать что угодно, но только не обидать. Мы поговорили о нашей поездке вверх по Манаре, а потом отправились с Дарси в Ялогинду, чтобы узнать, не пришло ли известие, которое он ожидал.

В пивной лежала большая грязная рыба, которую кто-то выловил в реке. Ее принесли, чтобы показать всем, и бросили на пол, так как никто не знал толком, что с ней делать. Такой большой рыбы я еще никогда не видел. Она весила больше двухсот фунтов и к нашему приезду начала соответственно вонять. Рыба тоскливо лежала посередине комнаты, облепленная со всех сторон черной тучей мух. Зловоние было почти осязаемым. Хозяин пивной сказал, что подярил Стоунбола Джексона убрать ее куда-нибудь, но тот еще не появлялся.

Стоунбол Джексон был старым золотоискателем, который время от времени отправлял себя на пенсию за счет горняцкого фонда и устраивался ненадолго в «Дымке»,

как он называл Ялогинду. После этого он снова на год уходил в горы. Говорили, что он нашел такие богатые жилы, что мог бы прожить остаток жизни в роскоши, но не хотел менять своих привычек и придерживал золотишко. Он много говорил о том, что хочет обеспечить свою старость, но, учитывая, что ему уже было за шестьдесят, в это никто не верил. Иногда он бывал невыносим — то выпьет чужое пиво, то затеет драку с людьми вдвое моложе и вдвое сильнее себя, но ему невольно симпатизировали. Приезжая в город, он селился в кузове автомобиля, стоявшего в кустарнике примерно в полумиле от пивной. Вдоль всей дороги от своего «дома» он вбил колышки, чтобы не заблудиться утром по дороге в пивную.

В то утро он прибыл на два часа позднее обычного, и сразу стало ясно, что он выжидал, пока не поднимется цена за избавление от рыбы. И цена росла с каждой минутой, если считать, что мерилom ее было зловоние.

— Стоунбол, когда ты собираешься убрать отсюда эту рыбу? — спросил хозяин пивной.

Стоунбол Джексон поднял пару пустых банок из-под нива, потряс их, чтобы узнать, осталось ли там что-нибудь, и сказал:

— Дай-ка, хозяин, еще одну банку в долг.

— А как насчет рыбы?

— А как насчет банки? — терпеливо спросил Стоунбол Джексон.

Трактирщик открыл банку и швырнул ее на стойку.

— Заберешь ты наконец эту рыбу или нет?

Стоунбол Джексон долго тянул пиво из банки, а потом обернулся и посмотрел на рыбу, лежавшую на полу.

— Кажется, она уже немного пахнет, — заметил он.

— Я без тебя знаю, что проклятая рыба воняет, — сказал трактирщик. — Ты должен был забрать ее отсюда еще вчера. Я уже заплатил тебе за это тридцать шиллингов.

— Заплатил, — сказал Стоунбол Джексон, снова прикладываясь к банке. — Мне кажется, хозяин, что ты меня обжулил. Кто тебе потащит эту вонючую дрянь за какие-то паршивые тридцать шиллингов?

Трактирщик почуял что-то неладное.

— Послушай, Стоунбол, — сказал он, — заберешь ты ее отсюда или нет? Ты же знаешь, черт тебя побери, что она не воняла, когда я тебе платил деньги.



— Да, верно,— сказал Стоунбол Джексон,— но мы совсем не учли, что я еще должен найти место, куда ее девать. А на это нужно время... и деньги.

— Брось ее в реку, закопай, сожги. Мне все равно, что ты с ней сделаешь после того, как убереешь ее отсюда. Обещал — сделай. А куда ее девать — это твое дело.

— Я нашел, куда ее девать,— терпеливо объяснил Стоунбол Джексон.— Но пока я все устраивал, улаживал, работы тут немного прибавилось.

Он легонько пнул сапогом рыбу, и вокруг поднялся рой рассерженных мух, а трактирщик скорчил рожу.

— Бьюсь об заклад, что меньше чем за три фунта тебе не найти никого, кто бы теперь убрал ее отсюда. Времена нынче тяжелые,— добавил он торжественно.

Трактирщик в конце концов согласился уплатить деньги, обозвав Стоунбола Джексона старым ворюгой. Стоунбол принес брезент, расстелил его на полу, вкатил на него мокрую коричневую рыбку тушу и вытащил за дверь.

— Еще немного, и она бы совсем расплзлась,— сказал он простодушно.

Мы вышли на улицу, чтобы посмотреть, что он собирается с ней делать дальше. Он перетащил рыбу через дорожку к дому сержанта полиции и скинул ее с брезента в огород. Потом он вернулся и забросил брезент обратно на грузовик Дарси. Он предложил помыть пол в пивной за десять шиллингов, но хозяин, решив, наверное, что и так потратил в тот день слишком много, помыл его сам.

Полчаса спустя пришло известие, что Стоунбола Джексона немедленно требуют к сержанту. Из окна бара мы наблюдали, как бедный Стоунбол закапывалдохлую рыбу в огороде у сержанта. На это у него ушло больше часа. Трактирщик был в восторге. Наконец-то Стоунбол Джексон наказал самого себя!

Но вернувшийся в пивную Стоунбол Джексон был не очень похож на человека, понесшего наказание. Он взял банку пива и с очень довольным видом уселся за стол.

— Ну что, на этот раз погорел? — смеясь, спросил хозяин пивной.

— Погорел? — сказал Стоунбол Джексон.— О чем ты говоришь?

— Мы видели, как ты закапывал рыбу в огороде у сержанта,—издевался трактирщик,—Надо было послушаться моего совета и бросить ее в реку.

— Черта с два,— сказал Стоунбол Джексон.— Вчера я продал ее сержанту за десять шиллингов на удобрение для его тыкв. И не брал ее отсюда, чтобы она протухла как следует. К тому же меня наняли закапывать ее. За час работы он заплатил мне фунт, посмотри!

В доказательство он вынул деньги и показал их.

Дарси это так позабавило, что он даже не стал ругаться из-за своего брезента, который был совершенно вымазан. Впрочем, брезент был старый и рваный. Дарси забросил его за пивную, потому что от него провонял бы весь грузовик, а Стоунбол Джексон выстирал брезент в реке и выкроил себе из него новый чехол для спального мешка. Для такого человека, как Стоунбол Джексон, иметь много денег значило лишиться всех радостей жизни.

Дня два спустя я видел, как трактирщик одолжил Стоунболу Джексону пять фунтов, потому что у того кончились наличные. В сущности они были добрыми приятелями, а постоянные их перепалки заменяли им дружескую беседу.

Так как известие, которое ожидал Дарси до половины второго, не пришло (хотя я не видел, чтобы он ходил на почту или узнавал об этом через кого-нибудь), я вернулся в лагерь, чтобы провести, все ли в порядке у Фиф. Она развела большой костер, пекла хлеб и кипятила наше грязное белье. Она была очень занята, и я пожалел, что не остался в баре с Дарси. Однако я не стал возвращаться, а занялся лендровером. Когда стемнело, показался грузовик, выписывавший пьяные кренделя, и Дарси чуть было не свалился в костер, а потом в реку. Я завернул его в одеяло и оставил под присмотром Прушковича. Мы с Фиф проговорили допоздна.

На следующее утро мы с Дарси поехали в город узнать, не пришло ли его известие, и увидели большую толпу людей. На пятитонном грузовике прибыл бродячий цирк. Гвоздем программы был, по-видимому, боксер, который за пять фунтов дрался с любым желающим помериться с ним силой. Больше, кажется, ничего не было, разве что в киоске продавали сласти, прохладительные напитки и прочее. Для Ялогинды и это было настоящим событием. Представление начиналось в восемь вечера, и в пивной собралось много народу, готовившегося к нему.

Боксер и хозяин цирка разглагольствовали о том, какое великолепное представление они собираются дать, и громко заказывали себе все новые банки пива. Боксер с виду был настоящий головорез. Он пытался подыскать себе противника на вечер, но с ним не то чтобы драться, разговаривать никто не хотел.

Вид у циркачей был жуликоватый. Стоунбол Джексон вызвал их тут же на бой обоих сразу, но они только посмеивались, называли его папочкой и дедушкой. Тогда он выбил из руки боксера банку с пивом и ретировался в дальний угол пивной, где рассказывал всем, какими трусливыми собаками оказались приезжие.

Мы с Дарси вернулись на лендровере в лагерь за Фиф. Дарси, описывая Фиф вечернюю программу, ввел ее в небольшое заблуждение, и нам пришлось целый час дожидаться, пока она выбирала платье и наводила красоту, готовясь к тому, что она твердо считала цирковым представлением.

Когда мы вернулись в город, там уже возник выгоревший полосатый шатер, слабо натянутый между пивной и лавкой, рядом с цирковым грузовиком, а на самом грузовике были разложены разноцветные коробки с шоколадом, конфетами и прочим. («А где все звери?»—спросила Фиф). Мы вошли в пивную и увидели, что главная часть представления уже окончилась. Стоунбол Джексон трахнул боксера стулом, сломал ему нос и разбил бровь. Номер с боксером откладывался, но «остальная часть представления все равно состоится». Самая большая со времен основания Ялогинды распродажа конфет, шоколада, прохладительных напитков, шаров, леденцов, свистков, кукол, сластей, игрушек и жевательной резинки начнется в большом киоске ровно в восемь!

Стоунбол Джексон спал на полу, подложив под голову банку из-под пива и прикрыв «от шума» глаза позаимствованной у кого-то шляпой. (Он обычно говорил, что шум переполненного бара убаюкивает его лучше колыбельной.)

Мы подождали, пока не начался цирк, хотя бы для того, чтобы хлопотные сборы Фиф были ненапрасны, и купили несколько пакетиков конфет. Дарси купил Фиф свистульку, которая разворачивалась, когда в нее дули, и несвоевременное пасхальное яичко. Потом мы вернулись в лагерь, так как у пивной начинались драки. Фиф

заварила в большом котелке чаю покрепче, чтобы перебить неприятный привкус, оставшийся во рту после цирка, и мы легли спать.

Дарси в ту ночь не спалось. Он подошел, присел на корточки у нашей противомоскитной сетки, и мы разговаривали несколько часов подряд. Фиф спала, а я сел и спросил его, правда ли, что большие крокодилы затаскивают лошадей и прочую скотину в воду, топят их, а потом жрут.

— Некоторые большие крокодилы утаскивают коров и лошадей в воду,— сказал он.— Иногда столько, что даже сожрать не могут. Они оставляют недоеденное другим крокодилам, а сами ждут, когда скот снова придет на водопой.

— Но разве коровы не знают, что в реке водятся крокодилы?

— Знают. Но в этих краях от водоема до водоема часто бывает миль до пятидесяти, и скоту приходится пить солоноватую речную воду. Вот тут-то крокодил и ждет. Не так уж много мест, где пологий берег позволяет животным легко заходить в воду, понятно? На водопое они топчутся в иле и взбаламучивают воду. Скотина тянется к чистой воде и заходит в нее по самое брюхо. Она любит побарахтаться... так что у старого крокодила большие возможности.

— Дарси, а как крокодилы хватают коров?

— Они просто медленно подплывают к выбранной жертве и внезапно вцепляются в нее сбоку. Потом они уходят под воду, зажав голову животного в пасти. Вес крокодила больше, чем корова может вытянуть, и она тонет.

— Ну, а свиньи и животные помельче?

— Крокодил может перекусить пополам свинью или валлаби,— сказал Дарси.— Однажды в устье реки я нашел место, где крокодил схватил кабана, лежавшего в грязи среди мангровых зарослей. Челюсти у крокодила настолько мощные, что он не только выдрал у кабана брюхо, но и переломал попавшие в них вместе с брюхом стволы мангров.

— Ух черт! А как они хватают валлаби?

— Однажды я видел, как двенадцатифутовый крокодил следил за скачущим по берегу кенгуру. Когда кенгуру был в нескольких ярдах от воды, крокодил громко зары-

чал, рванулся и помчался к нему быстрее любого человека. Кенгуру так оторопел, что не тронулся с места. Крокодил схватил его и очень быстро утащил в воду. На траве осталось много крови...

— До какой длины вырастает крокодил, прежде чем стать людоедом? — спросил я.

— Не все большие крокодилы людоеды. И не все они убийцы скота. Скот и лошади появились в этих краях уже при жизни нынешних больших крокодилов. И ни один крокодил не живет только человеческим мясом, хотя некоторые очень старые крокодилы иногда опрокидывают каню и хватают людей, потому что они не могут добыть себе пищу другим способом. Некоторые из убитых мной самых больших крокодилов были медлительны и глупы и питались лишь крабами и рыбой, плавающей вдоль берега в устьях рек. Но если крокодилу приходится туго, он готов и способен на все, в противном случае он довольствуется тихой жизнью.

— Нужна ли им соленая вода, Дарси?

— Нет, крокодил очень легко приспосабливается. В этом, вероятно, причина того, что они выжили. Как-то я встретил большого соляника вообще милях в семи от воды. Других встречал в пресных озерах за много миль от моря или реки. Когда эти водоемы начинают пересыхать, крокодилы проходят много миль до другого места, где воды больше, по такой местности, в которой человек не выжил бы, умер бы от жажды. Их иногда видят далеко в открытом море. Они живут на островах, на побережьях, в болотах, в ручьях и реках — всюду, где находят пищу, воду и тепло.

Дарси был ходячей энциклопедией. Когда мы его просили что-нибудь объяснить, он даже говорил языком справочников.

— Есть ли у них какие-нибудь враги, кроме человека?

— У больших крокодилов их нет, — ответил Дарси. — Самый большой и единственный враг крокодила — охотник, да и то с недавних пор. И при этом крокодилу страшны не ружье, не сеть, не ловушка, не яд, не старость, а маленькая фара. Можно убить несколько крокодилов, подкравшись с винтовкой к воде, но только фара достойно противостоит коварству опытного крокодила. В реках и озерах было много голодных крокодилов, пока не появился охотник с фарой. Так как свет, сделав то, что не смогло

сделать время, снизил численность крокодилов, у оставшихся в живых стало больше пищи. Крокодил, следовательно, стал не так опасен для скота и пловцов, как был лет пятьдесят назад.

Он рассказывал о крокодилах часами. О непостижимой тайне их появлений и исчезновений. О том, как однажды ночью большой крокодил, на которого он охотился несколько месяцев, вдруг всплыл на свет, как будто пришел его черед попасть под гарпун. И о том необъяснимом чувстве, которое подсказывает явно спящему крокодилу, что к нему подкрадываются.

— Крокодил — трус, если на него нападают, и бесстрашен, если нападает он. Я никогда не видел крокодила, который бы напал, не замыслив нападение заранее, но я знаю много случаев, когда крокодил наблюдал за добычей по нескольку дней или недель, прежде чем напасть.

— Может быть, они просто еще не голодны? — предположил я.

— Я убил много крокодилов с полными брюхами, когда они подбирались в воде к собакам или валлаби. Собаки для них — особое лакомство. Крокодил может отпустить кенгуру, но собаку съест всегда. Мой пес загнал на мелководье свинью, и тут его схватил крокодил. Он перетащил собаку через реку, выбрался на илистый берег, перекусил ее зубами и сожрал. Это случилось на одном из притоков реки, над которыми, по-моему, не раздавалось еще ни единого выстрела. Крокодилы там были такие нахальные, что после того, как они утащили мою собаку, я перенес свой лагерь на полмили от берега.

— Дарси, а днем они надолго выползают на берег?

— Когда вода теплая, крокодилы остаются в ней большую часть времени, а зимой, когда вода становится холодной, они выходят на берег...

— Какого самого большого крокодила вы убили, Дарси?

— Я убил много тысяч крокодилов, — сказал Дарси, — но ни одного больше восемнадцати футов длиной. Я верю, что они вырастают до двадцати футов и больше, но я убил пятьдесят или шестьдесят крокодилов длиной восемнадцать футов — вот все, чем я могу похвалиться. — Он сказал это каким-то даже виноватым тоном. — Однако не оставляю мечты убить в один прекрасный день двадцатифутового.

— Сколько лет они живут? — спросил я.

— Не знаю, но думаю, что некоторым очень старым больше ста лет. Об этом много спорят.

— А они хорошо приручаются?

— Никак не приручаются — ни хорошо, ни даже плохо. Никто не способен по-настоящему изучить крокодила, потому что мы можем только попытаться сравнить их поведение с поведением людей, и окажется, что это несравнимо. Собака агрессивна или труслива, птица боязлива, рыба беспокойна, кабан храбр и защищается, когда на него нападают, крыса подлая. Все это можно понять. Даже об акуле можно сказать, что это движущийся аппетит, и она больше всех похожа на крокодила, если судить по поведению. Но еще ни один человек не подружился с крокодилом. Можно вырастить его из яйца, кормить его, заботиться о нем всю свою жизнь. А потом он убьет тебя, потому что он крокодил, а крокодилы и люди отличаются друг от друга больше, чем жара от холода. Это разница в миллионы лет. Время проглядело крокодилов.

За деревьями уже брезжил рассвет, Дарси встал и, неуклюже ступая одревеневшими ногами, пошел сквозь нарождающиеся тени к своей одинокой постели. Ни за какую цену я не упустил бы такого разговора. Отоспаться можно потом, а такой человек, как Дарси, да еще в таком настроении — явление редкое.

Не все из того, что он рассказывал мне о крокодилах, встречалось потом на практике, но я ни в чем не обнаружил его неправоты, даже в его теориях. В книге, которую выписала Фиф, писалось лишь о том, что крокодилы, эти самые большие из всех живущих пресмыкающихся, достигают длины от шестнадцати до тридцати футов и не сходят со сцены более сотни миллионов лет, не меняя своего внешнего вида, образа жизни и излюбленных районов расселения. Я считаю, что Дарси знает о ныне живущих крокодилах гораздо больше, чем об этом можно вычитать в любой книге.

Тогда я еще не видел крокодила, живущего в соленой воде, но рассказы и пояснения Дарси убеждали с той же силой, что и вид коровы, которая вскоре попала мне на глаза. Она беспомощно стояла на лугу, нижняя челюсть ее была оторвана.

6. Крокодилы и чучела

Завтракать мы сели очень поздно. Дарси и я поехали в пивную, чтобы узнать, не пришло ли его известие, и забрать грузовик. Мы оставили его там накануне вечером, а вернулся Дарси на лендровере.

Когда мы приехали в пивную, цирка уже не было, грузовика тоже. Дарси передали, что его приятель с фермы позаимствовал машину на денек, так что все было в порядке. Только вот охотничье снаряжение уехало с грузовиком да Прушковицу не под чем было сидеть и нечего сторожить. Лендровер был для него слишком низок.

Мне не терпелось отправиться за большими крокодилами на реку Манару, и я спросил Дарси, что это за известие, которое он ждет.

— От этого известия зависит, когда мы отправимся в путь,— сказал он, со значительным видом похлопав себя по карману.— Когда здесь становится пусто, я готов поехать и добыть еще несколько шкур. Предпочитаю быть бедным охотником на крокодилов. У меня нет босса, который бы говорил: «Дарси, ты должен сделать это, или тебе придется искать новую работу» или: «Дарси, ты должен сделать то...»

На следующее утро я услышал незнакомые голоса и открыл один глаз. Все, кроме меня, уже встали. Около нашей машины стояла еще одна, и два изыскателя, которые накануне доставили Дарси домой, ели лепешки, разложенные на капоте вокруг бутылки с «особо крепким» ромом. Поднявшись, я установил, что это были старина Боб и Дик, малый примерно моих лет.

Боб был типичным старым изыскателем. В молодости он отсидел срок за то, что воровал скот. Он не морщась пил крепчайший ром прямо из бутылки, словно это было обычное «горючее», и читал следы, как абориген. Несколько лет назад он открыл колоссальное месторождение меди, но горнодобывающая компания обнаружила какую-то оплошность, которую он допустил при регистрации за-

явки, и захватила месторождение, не заплатив ему ни гроша. Судебный процесс все еще тянулся.

Дик был человек тихий и дружелюбный. Он краснел, когда Фиф смотрела на него и даже когда не смотрела. Когда она обращалась к нему, он начинал заикаться и ковырять ногой грязь.

Фиф захотела съездить на большой солончак к северу от Ялогинды посмотреть миражи, о которых нам столько рассказывали, Боба и Дарси миражи не интересовали. Я, Фиф и Дик сели в лендровер и поехали смотреть миражи.

Мы их увидели, но смотреть особенно было не на что. Черные контуры деревьев и холмов поднялись на несколько футов над горизонтом и колыхались в жарком струившемся воздухе — только и всего. Фиф очень возмущалась и сказала, что миражи должны появляться прямо на небе и только тогда, когда умираешь от жажды. Мы увидели собаку, пробиравшуюся сквозь высокий бурьян, и трех больших грациозных танцующих птиц ростом футов пять. Выстроившись в ряд, они с легкостью необыкновенной выделяли замысловатые па, пока Фиф не захлопала в ладоши. Испуганные, они помчались по солончаку с такой скоростью, будто их подхватил сильный ветер. Дик подстрелил валлаби на мясо для Прушковица. День прошел хорошо. Вечером мы решили, что завтра двинемся в путь. Легли спать рано.

В Ялогинде Дарси ждал такой сюрприз, от которого пришел бы в ярость кто угодно. Грузовик был цел, но все снаряжение было в таком состоянии, что потребовался целый день, чтобы установить, чего не хватает, а что только сломано. Наша маленькая лодка, упав на что-то, треснула вдоль борта.

Дарси осматривал весь этот ералаш, а мы с Фиф молча ожидали, когда он взорвется. Он поднял топор, с минуту смотрел на сломанное топорие, а потом спокойно положил его.

— Этот малый неосторожен,— сказал он.

— Где он? — сказал я. — Мы заставим эту скотину все починить!

— Нет,— покачав головой, сказал Дарси.— Как-нибудь он захочет взять что-нибудь у меня или попросит о по-



мощи. Тогда он пожалеет, что отнесся к моей собственности без должного уважения.

Мы купили горючее и продовольствие и двинулись через равнину по дороге, которая в свое время привела нас с Фиф в Ялогинду. Миль через пятнадцать мы свернули на колею, которая снова привела нас к реке Манаре. На заросшем травой берегу мы с Фиф разбили лагерь, а Дарси стал терпеливо сортировать снаряжение, но не управился до наступления темноты.

Утром в одних шортах и босиком, прихватив ружья, ножи и Прушковица, в сильно протекавшей лодке мы переехали реку и пошли вверх по течению, высматривая крокодилов. Оказалось, что надо было идти не по тому берегу. Шестиметровая прибрежная полоса растительности скрывала от нас крокодилов. Трижды слышались неожиданные всплески у берега, по которому мы шли. С противоположной стороны реки мы, вероятно, имели бы возможность их увидеть.

Когда под нами плюхнулся в воду первый крокодил, мы сошли вниз через кустарник по тропинке, проделанной кенгуру, и обнаружили маленький персональный пляж, усеянный костями. При виде влажного следа, оставленного телом «здоровенной дубины» в том месте, где она бултыхнулась в воду, меня пробрала дрожь. Не меньше восемнадцати футов!

— Черт побери, Дарси,— прошептал я.— Это же «здоровенная дубина»!

Дарси взглянул на след, кивнул и сказал:

— Да, длиной футов двенадцать.

Пожив среди аборигенов, Дарси научился хорошо читать следы. Бросив на них один только взгляд, он мог объяснить, что к чему. Даже не верилось, что такое возможно узнать по отметинам на земле. Это производило гораздо большее впечатление, чем работа любого сыщика, который с непроницаемым лицом изучает место происхождения пядь за пядью, а потом немногословно ставит диагноз.

На крокодильем пляже из уважения к размерам следа, несмотря на то что он был оставлен всего лишь двенадцатифутовым крокодилом, я старался держаться подальше от воды. Дарси прислонил ружье к берегу, прошел сквозь тростник, нырнул в воду и поплыл. Я схватил винтовку в полной уверенности, что он внезапно сошел с ума.

— Какого черта вы там делаете? — закричал я.
— Смываю с себя пот, чтобы крокодилам не так легко было меня учуять, — ответил он. — Окунитесь и вы.

— А крокодилы?

— Сейчас крокодил нас не тронет. Для него это все слишком неожиданно. Он должен подумать, прежде чем решиться напасть. А когда он примет решение, нас уже здесь не будет. Заходите в воду. Это совершенно безопасно.

Я безрассудно ринулся в камыши, растущие на мелководье, и тут же выскочил обратно, словно был на резинке. К черту такие забавы!

Следующий потревоженный нами крокодил исчез в реке с шумом разбивающейся о берег волны, и Дарси бросился к воде через просвет в зарослях, потому что иногда крокодилы, нырнув, тотчас появляются снова на поверхности, чтобы взглянуть, в чем дело. Но этот не появился. Мы пошли дальше и наткнулись на четкий изогнутый отпечаток громаднейшего крокодила. Этот уж наверняка больше восемнадцати футов!

— Пятнадцать футов, — сказал Дарси.

— Но посмотрите, какой широкий след! Взгляните на размеры отпечатков лап!

— Да. Достигнув двенадцати — тринадцати футов в длину, они растут больше в ширину, чем в длину.

— Но посмотрите, ширина какая!

— Да, — терпеливо повторил Дарси. — Около пятнадцати футов.

Следующий крокодил, которого мы услышали, имел в длину каких-то восемь — десять футов. Вот и все, что мы в тот день видели... вернее, слышали. На обратном пути Дарси сказал, что на пройденном нами участке реки в две с половиной мили крокодилов будет, пожалуй, не четыре, а по крайней мере вдвое больше.

— Они всегда лежат на берегу, головами в сторону воды, — объяснял Дарси. — А большие крокодилы никогда не уходят далеко от глубоких мест. На мелководье они не чувствуют себя в безопасности. Когда на крокодила наводишь свет, он всегда уплывает в ту сторону, где глубоко. Когда он останавливается или поворачивается, значит, он достиг самого глубокого участка реки или самого безопасного. Тогда готовь гарпун, потому что здесь-то он подпустит тебя к себе. Так бывает не всегда, но довольно часто.

Нужно многое знать и быть готовым ко всему. Учитывать, какая вода, течение, время года, место, крокодил... всего не перечислишь. Когда луч фары падает на крокодила, я говорю себе: «Этот крокодил твой, но наберись терпения» или, «Вот глупый крокодил, он ждет, чтобы ты его убил». А иногда я говорю: «Этот крокодил будет погружаться много раз и плавать под водой. Я его убью, если только очень повезет». Очень часто я ошибаюсь. Еще многому надо научиться.

— А при чем тут время года, Дарси? Какая разница, когда стрелять крокодилов?

Но Дарси сказал, что для одного дня рассказов о крокодилах хватит.

— Со временем узнаете,— сказал он.— Если хотите изучить крокодилов, то старайтесь понять все, что видите сейчас, и пусть ваш опыт поможет вам понять то, что увидите потом. А времена года будут сменяться быстрее, чем вы — приобретать знания... Вон, приближается пыльная буря.

И верно. На довольно значительном расстоянии от нас виднелась какая-то дымка, но вскоре на зубах зашкряпала почти невидимая пыль, повисшая в почти прозрачном воздухе. Мы вырезали новый шест для гарпуна, и к тому времени, когда вернулись в лагерь, пыль проняла нас до самых печенок. Она висела в красном воздухе три дня, пока ветер с залива не унес ее прочь.

Вода в реке у нашего лагеря была не такой соленой, как в низовьях, но для питья все же не годилась. На следующий день я поехал в Ялогинду за водой, а Дарси приводил в порядок снаряжение и чинил лодку.

В городе я заскочил в пивную. Там я встретил бродячего ювелира, проделавшего путь от Маунт-Айза. На дне перевернутого ящика из-под чая он разложил множество часов и безделушек. Единственному покупателю ювелир объяснял достоинства железнодорожного хронометра. Покупателем был Стоунбол Джексон, по глазам которого было видно, что он задумал какую-то каверзу. (Позднее мне рассказали, что Стоунбол купил у ювелира влагонепроницаемые часы и проверил их, опустив на ночь в кружку с пивом. Потом он потребовал деньги обратно.)

Когда я вернулся в лагерь с водой и кое-какими вещами для Фиф (ей пришлось выписать их, потому что

подобных в ялогиндской лавке не держали), снаряжение Дарси было уже более или менее в порядке, а наклеенная на лодку заплатка сохла на солнце. Дарси с Фиф приступили как раз к первому уроку набивки чучел маленьких крокодилов. Я так и не научился этому делу, но Фиф изготавляла чучела дюжинами. Насколько я усвоил, способ набивки чучел, применявшийся Дарси, заключается в следующем (могу гарантировать успех при условии, если вы будете следовать моим указаниям и если эти указания правильные).

С того самого времени, когда крокодил вылупляется из яйца в горячем песке на речном берегу, он начинает самостоятельную жизнь. Он такой же прожорливый, как его папаша. Прежде чем он и еще примерно двадцать его братьев и сестер доберутся до воды, в живых останется только десять. Кукабарры *, динго, змеи — все лакомы до них. А когда он попадает в воду, за ним охотятся акулы и другие рыбы. Даже собственный папаша не прочь сожрать его. Он живет несколько дней, или недель, или месяцев, а то и лет, шныряя вверх и вниз по реке вдоль заросших берегов и питаясь крабами, мелкой рыбой и прочим. Потом однажды ночью на своей лодке приплывает Дарси, быстро хватает его за шею и сует в холодный мокрый мешок, где уже сидят несколько его братьев, сестер, кузенов и кузин. К утру он поддыхает. (Интересно, сколько миллионов лет потенциальной жизни оборвал Дарси?)

Разрез вдоль живота и хвоста единственный. Спускаете шкуру с задних лап почти до когтей. Затем разделяете хвост (здесь нужен здравый смысл). Передние лапы обрабатываются так же, как задние (шкура, правда, здесь получается вся в порезах, но для начала это не имеет значения). Отделяете шкуру до нижней челюсти и основания черепа. Перерезаете спинной хребет у первого позвонка.

Теперь у вас есть миниатюрная крокодиля шкура с когтями и головой и немножко крокодилятины на внут-

* Кукабарра (*Dacelo gigas*) — птица из семейства зимородковых, величиной с голубя. Оперение коричневое и серо-белое, отливающее синевой. Питается змеями, ящерицами, крысами, мышами, крупными насекомыми, а также при случае мелкими птицами, цыплятами и утятами. Из Восточной Австралии была завезена в Западную (в 1898 г.) и в Тасманию (в 1905 г.). Ее характерный громкий и резкий хохот разносится по лесам в течение всего дня, но особенно по утрам и вечерам.

ренной стороне, но не волнуйтесь: в первое время это случается со всяким. Осторожно соскребите ее, удалите мозги и натрите шкуру изнутри солью. Затем засыпьте ее солью и заройте в мешок с солью вместе с другими шкурками, которые вы испортили. Да, не забудьте выковырять глаза. Острием ножа.

Через три дня перемените соль. Через три-четыре дня самое меньшее или через три-четыре месяца самое большее вытащите шкуру и смойте с нее всю соль. Пока она не засохла, набейте ноги мелкими сухими опилками и крепко утрамбуйте их круглой палкой. Достаньте иглу, вошеную нитку и ровненько зашейте шкуру от хвоста до задних ног. Хвост набейте так же, как ноги. И продолжайте набивать и зашивать до тех пор, пока у вас не получится пугало с прямым хвостом и негнушимися лапами.

Теперь приступайте к отделке. Согните лапы и поверните хвост, чтобы они выглядели естественно. Для начала лучше всего сделать так, чтобы брюхо, хвост и лапы касались пола. (Потом, когда приновишься, можно сажать их на задние лапы и хвост.) Поднимите голову и откройте пасть. Горло придется заткнуть бумагой, чтобы не высыпались опилки. Теперь натыкайте всюду гвоздей и щепочек, чтобы они поддерживали крокодила в той позе, которую вы считаете естественной. Теперь можете выставить чучело на солнце. Солнце высушит и стянет кожу вокруг опилок.

Через несколько часов можно сказать, что все в порядке, потому что чучело затвердело. Откройте баночку с замазкой и заделайте шов на брюхе и все бросающиеся в глаза ножевые порезы. Покрасьте бумажную затычку в горле и расправьте язык. Для глаз подойдут мраморные шарики или бусинки — в общем все, что не гниет. Опять на солнце, пока не высохнет замазка.

Теперь можете достать бесцветный лак и покрыть свое изделие раз-другой. Когда лак высохнет, у изделия появится товарный вид.

Даже Дарси и тот испортил несколько своих первых шкур, а теперь делает чучела восьмифутовых крокодилов. Он даже восемнадцатифутового набьет, если за это предложат хорошую цену.

Дарси с Фиф сделали в тот день четыре чучела, на другой день — тоже четыре. Мы с Дарси отвезли их в Ялогинду и оставили для отправки на скачки в Грегори. Кто-

то предложил Дарси на время большую лодку с подвесным мотором. А за это, пока их хозяин был на скачках, требовалось всего-навсего, чтобы Дарси присмотрел за тремя собаками и привез двух маленьких живых крокодилов. Живые крокодилы — это еще куда ни шло, но вот собаки доставят, вероятно, много хлопот.

Вечером Дарси должен был пригнать лодку к лагерю. Он взял фару и винтовку, а мы посадили Прушковица и рычащих гостей к себе в лендровер. По пути я убил двух валлаби для собак, и мы с Фиф оказались вдвоем первый раз за много недель. Но вечер не получился. Собаки выли и лаяли, Дарси прибыл часов в одиннадцать. Недалеко от лагеря вниз по реке он убил крокодила длиной четырнадцать футов. Он мог бы убить и большего, но не взял с собой гарпуна. Я пожалел, что не был с ним.

Утром мы все вместе отправились снимать шкуру с убитого крокодила, которого Дарси оставил в чертовски неудобном месте. Из-за прилива вода поднялась на четыре фута и затопила труп. Охотник прыгнул в воду и ошупывал дно ногой до тех пор, пока не нашел крокодила. Всем вместе нам удалось его дотащить до расквасившегося берега, но голова так и осталась под водой. Зверь был такой большой и тяжелый, что нам не под силу было перенести его куда-нибудь в более удобное место. Пришлось снимать шкуру, стоя по щиколотку в жидкой грязи. Чертовски неприятная была эта работа — скользко, тесно, неудобно. Мы с Дарси провозились два часа.

Разница между крокодилами, живущими в соленой и пресной воде, не очень большая. Соляник длиннее пресняка, и, кроме того, голова у него шире и массивнее. У пресняка рыло потоньше, поизящнее, челюсти похожи на ножницы. У нашего крокодила была тупая и ухмыляющаяся морда, гладкая на ощупь, как булыжник, с кабаньими клыками, крайние из которых торчали сквозь отверстия в носу. Края челюстей были неровные, как бородашка ключа, но совпадали они очень точно. Когда я поднимал и отпускал верхнюю челюсть, она захлопывалась с громким деревянным стуком. Убитый крокодил костенеет медленно. II первое, что приходит в голову: как же бывает беспомощен человек, когда его хватает такая вот тварь! У нее не вырвешься. Одна только шкура весила столько, что я едва донес ее по чавкающей грязи до лодки, где сидела Фиф.

Потом Дарси сделал вскрытие, чтобы посмотреть, что ел убитый крокодил. Кости, довольно большие, тазовые кости кенгуру... нет, собаки. Кусок ошейника с пряжкой и с заклепкой на нем. Кости ног. Свиная щетина, комки волос кенгуру и овчарки. Четыре комка размером с теннисный мяч. Опять кости. И камни! Круглые, с дюжину, с кулак величиной.

— Для чего камни, Дарси?

— Одни говорят, что камни в желудке крокодила помогают ему переваривать кости и все, чем он питается, но я этому не верю. Я думаю, что крокодил глотает камни для того, чтобы уравновесить свою плавучесть и быть способным без усилий лежать на дне, а на поверхности держаться, едва шевеля конечностями. Когда крокодил уходит под воду, он не ныряет, понимаете? Он постепенно исчезает, он погружается. Камни в желудке помогают ему поддерживать нужный вес. Когда крокодил поднимается наверх подышать или посмотреть, видна только макушка его головы, а туловище висит под углом. И только когда он плавает по поверхности воды, видна его спина.

Дарси показал мне наиболее уязвимые места большого крокодила.

— Надо всегда стрелять в голову. Если стрелять в туловище, можешь только ранить крокодила и продырявить шкуру. Хорошо стрелять в ухо — щель в голове в двух дюймах за глазом. В этом месте черепа есть отверстие, ведущее к мозгу. В противном случае надо стрелять не задумываясь и надеяться, что пуля разнесет череп. Но часто, даже если бьешь в упор, пуле из винтовки не удастся пробить череп крокодила.

Почти на всех больших шкурах есть порезы и дыры — последствия драк. Дарси говорил, что лучшие шкуры снимаются с крокодилов длиной в десять — двенадцать футов и их легче обрабатывать. Крокодилы дерутся либо из-за самок, либо за главенство на реке, либо по каким-нибудь другим темным крокодильим причинам, неизвестным даже самому Дарси. Он рассказал нам, как однажды следил за большим крокодилом, плывшим вниз по течению. Стрелять в него он не мог из-за большой глубины и решил прикончить его ночью с фарой. Он просто сидел и наблюдал. С другой стороны реки плыл еще один крокодил примерно такой же длины (футов двенадцать — тринадцать). Не замедляя хода, они двинулись навстречу друг другу, и на-

чалось представление, как будто бы специально для того, чтобы Дарси посмотрел. Один из крокодилов вцепился другому в основание хвоста. А тот вцепился противнику в бок, и они кружились до тех пор, пока Дарси не выстрелил и не прекратил сражение, потому что крокодилы могли попортить шкуры. В ту ночь Дарси взял обоих. Две второсортные шкуры с большими дырами.

Вернувшись в лагерь, мы накормили собак и пустили их побегать. Дарси скоблил и солил крокодилий шкуры, а Фиф пекла хлеб. Я отделял новое древко для гарпуна. Острой отверткой выдолбил аккуратное отверстие в толстом конце, чтобы наконечник сидел плотно и в то же время легко выскакивал. На другом конце я прикрепил болтами крючок. После этого я позволил себе почистить и немного смазать винтовки Дарси. При стрельбе на двадцать пять ярдов пули из его винтовки уходили дюйма на два ниже точки прицеливания. Он сказал, что знает об этом и делает поправку, и поэтому я не стал регулировать прицел.

Ночью мы собирались поохотиться на больших крокодилов.

7. *Большой соляник*

Солнце стояло еще высоко, и было душно, когда мы с Дарси уехали из лагеря на маленькой лодке (Дарси сказал, что лучше как следует прочесать небольшой участок реки, чем с ревом глотать мили в большой лодке с подвесным мотором, стреляя в зазевавшихся крокодилов и разгоняя шумом всех остальных).

— Нередко к старому крокодилу удастся подобраться и с подвесным мотором, — сказал Дарси, — но нельзя менять скорость. Старайся, чтобы шум был монотонным, слепи крокодила светом фары, и он не распознает, близка ли опасность. Правда, я не совсем уверен, что свет ослепляет крокодила. Свет не мешает ему уплывать туда, куда ему вздумается. И мне кажется, что все равно, каким светом светить ему в глаза — ярким или слабым. Весьма вероятно, что свет гипнотизирует крокодила, когда он находится в определенном настроении. Выезжая в лодке с подвесным мотором, я упустил много крокодилов, которые не ушли бы от меня, если бы я плыл на веслах. Слишком много раздражающих звуков. Остановка и запуск мотора, переключение скоростей. Кроме того, нужно много места, чтобы развернуться, есть опасность треснуть о ветви свисающих над водой деревьев, удариться винтом о коряги, скрытые под водой. Вонь. От дыма меркнет свет фары. Крокодилы испугнуты, охота испорчена. Я могу остановить мою маленькую лодку и повернуть ее кругом одним взмахом весла. (Он в самом деле мог это сделать!) Мне не надо возить с собой горючее, запасные части, но надо чинить мотор. И я могу работать один, если у меня нет напарника.

— Единственное преимущество подвесного мотора заключается в том, что быстрее оборачиваешься и тратишь меньше усилий. В конечном счете можно и без мотора обрыскать всю реку — это вопрос времени. А его у меня много. Своих крокодилов я возьму.

Итак, мы отправились вверх по реке в маленькой лодке, и это была очень приятная поездка. На склонившихся

над водой кустах тихо ворковали голуби. Шелестели на ветру казуарины. Плескались в камышах, мелькая, как тени, рыбешки. Листья и мусор, медленно вращаясь, плыли по гладкой воде, уносимые вверх поднимающимся приливом. Подгоняемая неторопливыми легкими взмахами весла, лодка скользила вдоль берега, то заходя в тень, то выходя из нее. Поднимавшаяся вода громко булькала, заполняя углубления в прибрежной грязи, а за второй излучиной на нас пахло мертвечиной, спрятанной где-то крокодилом.

— Чуете? — прошептал я.

Дарси кивнул.

— Крокодил?

Он снова кивнул.

— Думаете, падаль где-то здесь?

Дарси положил весло на нос и закурил, что бывало с ним редко.

— Я никогда не видел, где крокодил закапывает свою добычу, — сказал он. — Наверно, он делает это довольно тщательно. Крокодилам не под силу закопать корову или лошадь. Чаще всего убитых животных они оставляют на воде до тех пор, пока не проголодаются. Кенгуру и свиней они затаскивают в камыши, а все, что остается на воде, просто плавают то вверх, то вниз по течению в зависимости от прилива, понимаете? Далеко не уплывает.

Мы пошли дальше, и часом позже Дарси показал веслом на большой мокрый след, уходящий в воду, на пологом берегу в рощице мангров.

— След, — прошептал я. — Большой соляник?

— Да, — сказал Дарси, заинтересовавшись. — Здоровенная дубина.

Он пересек реку, подгреб поближе к берегу и остановил лодку, воткнув в ил весло.

— Футов двенадцать или четырнадцать. Приедем за ним потом.

— Дарси, а далеко мы поплывем сегодня?

— Будем грести, пока не начнется отлив, который понесет нас к лагерю, а по дороге поохотимся на крокодилов. Знать механизм приливов очень важно, потому что иногда они помогают охоте, иногда препятствуют. Надо знать, что в некоторых местах охотиться лучше, когда вода низкая, так как при высокой воде крокодил может спрятаться от света под ветви деревьев, которые погружаются в воду.

В другом месте нужно ждать, пока вода поднимется, иначе не переберешься через перекаты и затонувшие бревна. По незнакомой реке всегда поднимайтесь вверх днем, и тогда на обратном пути ночью будете знать, что освещает луч, нащупывая крокодилов.

Через час, достигнув высшей точки, вода перестала прибывать. Среди камышей мы отыскивали небольшой пляж и высадились. Нам пришлось ждать часа полтора, пока совсем не стемнело. Мы развели небольшой костер, чтобы вскипятить привезенную для чая воду.

— Начнем искать крокодилов, как только стемнеет,— сказал Дарси.— Охотиться можно в любое время ночи.

— А далеко тянется эта река, Дарси?

— Я помню, что она берет начало всего в нескольких милях отсюда от слияния двух речек. Одна, глубокая и узкая, начинается далеко. Она очень извилистая, как все местные ручьи. Она так петляет, что, когда едешь по ней, кажется, что ветер все время меняет направление — то дует в лицо, то в спину. Проедешь мили две, а по прямой — всего несколько сот ярдов. Другая речка широкая и мелкая и очень скоро теряется среди мангровых болот. Крокодилы на ней водятся, но добыть их трудно. Если оставить там человека на одну ночь без костра, то москиты просто сожрут его.

Мы пили чай и беседовали. Вскоре стало темнеть, и нам пора было ехать. Уложив в мешок котелок, кружки и пластмассовый бидон, я засунул его под кормовое сиденье. Потом мы проверили, все ли захватили с собой. Гарпун, наконечник и веревка. Нож, фара и аккумулятор. Топор, сигареты, мешки, винтовки. Веревки, мазь от москитов.

— Все здесь.

Я сел на корму.

— Хорошо. Поехали обратно. Надеюсь взять двух крокодилов. Посмотрим.

Дарси оттолкнулся от берега и сел на носу. Выехав на середину, он пристроил на лбу фару и тщательно проверил ее, направив луч на плывущий лист и одновременно прицелившись в него из винтовки. Лодка плавно заскользила по реке, погоняемая широкими бесшумными взмахами весла. Луч фары обшаривал реку, ища красные глаза «здоровенных дубин».



Я наблюдал, как Дарси работает с фарой. На излучине он медленно проводил лучом по всему новому участку реки. Если там были крокодилы, их глаза сразу загорались. Но, даже заметив крокодила, Дарси продолжал обшаривать лучом еще не обследованное пространство на тот случай, если там окажутся другие крокодилы или крокодил побольше. Луч обегал каждый берег по нескольку раз, а затем по мере продвижения лодки устремлялся вперед.

Через полчаса беззвучная гребля прекратилась, так как Дарси погнал лодку на красный огонек, мерцавший в прибрежных камышах. Потом он вдруг резко сменил направление, и лодка поплыла вниз по течению, где ярко горели широко расставленные глаза большого соляника.

Что нам маленький крокодил, засевший в камышах! Впереди был здоровенный!

Дарси равномерно греб к глазам, горевшим на конце неподвижного луча, и я был уверен, что мой первый большой соляник не уйдет. Я слышал собственное прерывистое дыхание. Вдруг через борт лодки перескочила рыба сарган и забила в черпаке. От испуга я чуть не вскрикнул, и прошло секунды две, прежде чем я пришел в себя и выкинул проклятую рыбу за борт. Крокодил не двигался, а Дарси продолжал грести, будто и не слышал моей возни с рыбой.

Мы все ближе... и вдруг глаза исчезают. Дарси перестает грести, но лодка движется вперед по инерции. Крокодил может снова появиться... вот он, подальше. Плышет. Здесь глубоко. Надо гарпуном...

Еще ближе... шест у Дарси в одной руке, весло в другой. Он не спеша берется рукой за провисшую веревку, один конец которой привязан к наконечнику гарпуна, а другой к лодке. Вот морда, глаза... нос и толстая шея еще под водой. Мы подошли слишком близко! Бросай же! Да-ва-ааай! Тащи его!

Подняв пенистый столб воды, крокодил исчезает, но по веревке, сбегающей с носа раскачивающейся лодки, видно, что наконечник засел в нем крепко. Дарси подбирает упавшее за борт древко, спокойно кладет его в лодку и берет нож, просто на всякий случай.

Веревка перестает разматываться. У Дарси между ногами лежит еще несколько витков. Он берет винтовку и щелкает затвором. Потом несильно натягивает ослабшую

веревку, чтобы узнать, где крокодил. Последние витки веревки исчезают в воде, и лодка рывком разворачивается вполоборота.

Тишина. Река как масло. В мангровых зарослях с шумом бултыхаются крабы, на свету, как стальные лезвия, серебрятся в грязи бычки. Лодка медленно скользит поперек реки. Крокодилу придется всплыть, чтобы набрать воздуха...

Вдруг красные глаза появляются на середине реки. Успокоительно гремит винтовка, показывается громадное белое брюхо и, уносимое течением, начинает погружаться в воду.

Быстрее! Надо тащить, а то утонет. Веревоchnую петлю на пасть. Он еще дергается.

— Передайте топор.

Удар по шее! Еще удар! Теперь ему конец. Таским к берегу. Привязываем к дереву веревкой и вырезаем наколочник гарпуна. Надламываем ветви — замечаем место.

— Запомните то сухое дерево, что торчит из воды. Мы еще вернемся и снимем с него шкуру завтра, когда спадет вода. Примерно такого же размера, что и предыдущий, футов четырнадцать. Если шкура первосортная, получим за нее фунтов тридцать. Я не заметил на ней никаких шрамов. А сейчас вернемся и поищем того пресняка, которого видели во время перекура.

— Дарси, как вы думаете, сколько еще крокодилов мы добудем?

Дарси перестал сматывать жесткую мокрую веревку и, взглянув на меня, ослепил фарой, горевшей у него на лбу.

— Если мы даже не добудем больше ни одного крокодила сегодня, можно считать, что успех есть. По такой реке можно грести всю ночь и ничего не увидеть.

Первый крокодил был еще в камышах. Дарси подогнал к нему лодку, выстрелил из винтовки, ударил топором в основание черепа и передал трофей мне. Пятифутовый пресняк.

Мы осветили еще одного большого крокодила, который ушел под воду, когда нам оставалось до него еще ярдов пятьдесят. Дарси выключил свет, и мы сидели в темноте примерно полчаса. Вдруг свет зажегся снова, и луч быстро нашел глаза. Ярдах в пятидесяти выше по течению. Подпустив нас ярдов на двадцать пять, крокодил снова погрузился. Дарси направил лодку туда, где исчезли глаза,

но он, кажется, ждал появления крокодила на другой стороне реки. Так и случилось. Дарси выстрелил в появившегося из воды крокодила и успел воткнуть в него гарпун, прежде чем пресмыкающееся утонуло, но при этом сам упал в воду. Встревоженный, я чуть было не сделал неловкую попытку спасти его, бросившись следом, и ему пришлось сказать мне, чтобы я навалился на противоположный борт, так как, взбираясь в лодку, он мог перевернуть ее. Подобрав древко гарпуна, Дарси стал осторожно подтягивать крокодила, а я стоял позади него с винтовкой наготове. Это был крокодил длиной в одиннадцать футов. Признаков жизни он не подавал. Дарси на всякий случай ударил его топором, и мы втащили животное в лодку.

Ниже нам встретилась еще одна «здоровенная дубина», но Дарси не стал тратить время на него. Только мы увидели его глаза, как он сразу исчез.

Когда мы возвращались, в лагере было темно, но собаки не дали нам проехать мимо. Фиф встала, чтобы посмотреть, что мы привезли, и приготовить нам поесть. В два часа мы легли спать, а в семь нас разбудил Прушковиц. Он лаял на семифутовую коричневую змею ярдах в пятнадцати от лагеря. Я прострелил ей голову из своей винтовки, и мы сфотографировали Прушковица, неодобрительно скалившегося на змею, уложенную в кольца рядом с лендровером.

Позавтракав мясом кенгуру, мы сняли шкуры с двух крокодилов, привезенных накануне. Потом поплыли вверх по реке, чтобы снять шкуру со «здоровенной дубины», привязанной к дереву. К полудню мы засолили, скатали и упрятали в мешок три шкуры. Затем мы подготовили снаряжение и самих себя к переезду. На следующий день мы собирались разбить лагерь у слияния рек, о котором говорил Дарси, и снова приступить к работе. Той ночью мы уже не охотились.

На следующее утро мы отправились вверх по реке Манаре в большой лодке с подвесным мотором, таща маленькую лодку на буксире. Дарси и слышать не хотел о том, чтобы оставить ее, к тому же в ней оказалось удобно везти собак. Они причиняли нам уйму неприятностей, лазая по снаряжению и пачкая его мокрыми лапами. Прушковиц был очень возмущен тем, что ему не разрешили ехать с людьми в первой лодке.

Мы проехали мимо того места, где убили первого большого крокодила. В камышах плавал раздувшийся труп большого быка.

— Должно быть, его затащил в реку и утопил большой крокодил.

— Не всю скотину утаскивают и топят. Она может свалиться с высокого берега и не найти пологого места, чтобы выбраться обратно. В каждой смерти на реке крокодила обвинять нельзя, но в большинстве случаев виноват он.

В тот день мы увидели трупы пяти коров и нескольких кенгуру, плывшие по реке, и еще несколько раз до нас донесся запах мертвечины.

За излучиной мы увидели громадного и серого, как броненосец, крокодила, скользнувшего в воду. Дарси сказал, что он слышал нас издалека и ждал, чтобы познакомиться. Было что-то пренебрежительное в том, как неторопливо он погружался в воду. Мы увидели стаю летающих лисиц. Они висели на деревьях, а когда мы приближались, стали тучей кружиться над нами и пронзительно кричать. Валлаби выскакивали из тенистых уголков и мчались вверх по крутым берегам. То и дело мы кричали на неистовавших собак, бросали в них палками, подобранными в воде. По песчаной отмели пробежала черная свинья, а за ней цепочка из четырех крохотных поросят. Они исчезли в гуще сухого кустарника, не нарушая строя, будто прорепетировали это заранее. Со склонившегося над водой дерева доносился резкий крик белых какаду.

На некотором расстоянии от слияния рек мы нашли хорошее место для лагеря, рядом с источником и вдали от всякой мерзкой живности. Место это было совершенно незнакомо мне, но в нем царила какая-то привычная атмосфера. Наверно, потому, что со мной была Фиф.

Больше всего я люблю вспоминать о событиях, случившихся во время нашего пребывания в верховьях медлительной Манары. В первую же ночь мы добыли старого семнадцатифутового крокодила. Нам двоим понадобился целый день, чтобы снять с него шкуру. Одному человеку поднять ее было не под силу. Мы загарпунили кенгуру, который плыл по реке, преследуемый одиннадцатифутовым пресняком. Этот валлаби нужен был нам, чтобы накормить собак. Дарси решил, что крокодила тоже упускать не стоит. Такого большого пресняка он видел впервые. Я тоже.

Собаки, за которыми мы присматривали, доставляли нам гораздо больше хлопот, чем мухи и москиты. Они все время дрались, воровали что-нибудь, вертелись под ногами, исчезали или шумели. Прушковица они раздражали не менее, чем нас. Боюсь, что единственным их другом была Фиф.

Мы подстрелили восьмифутового соляника, лежавшего на бревне, а в одной из речек загарпунили одноглазого «негодяя». (Я так и не узнал, к какому виду относился этот «негодяй», но таких крокодилов много повсюду. И звучит неплохо.) Мы открыли приток реки, по которому еще никто не плавал, если судить по тому, что, когда мы хотели войти в него на лодке, нам пришлось прорубать проход в нависших ветвях.

— Но это не значит, что на крокодилов, живущих в этой речке, никогда не охотились,— сказал Дарси.— Они передвигаются с места на место, и большинство из них бывало на большой реке достаточно часто, чтобы познакомиться с подвесными моторами, экспертами в больших шляпах и скорострельными винтовками. Может быть, поэтому они и забрались в эту речку. Ведь в большой реке крокодилу живется лучше.

Я начинал понимать, что происходило с Дарси, когда он подавался вперед и освещал крокодила фарой. Его внимание было сосредоточено не столько на том, что он мог увидеть, сколько на том, чего не было видно. Его интересовало не то, что крокодил делает, а то, что он может сделать. И если крокодил оставался на месте, дело его было мертвое.

— В малых реках ожидайте, что крокодил всплывет снова у другого берега. На больших реках он покажется на середине. Если же он погружается в воду и всплывает выше или ниже по течению, значит, он куда-то плывет и не даст приблизиться к себе, пока не доберется, куда ему надо, и не почувствует себя в безопасности. Но это просто мои предположения, о крокодилийх привычках говорить трудно.

Дарси нырнул в воду на восьмифутовую глубину за убитым крокодилом.

— Если бы он был только ранен, его бы здесь уже не было. Я могу нащупать его шестом, но обвязать веревкой не могу. Передайте гарпун. Я нырну и воткну его в крокодила, а потом попробуем вытащить труп.

Вытащили.

Я учился грести и подкрадываться. Однажды я плыл один вверх по реке с канистрой воды на корме в качестве балласта, как вдруг увидел голову и плечи довольно большого крокодила, отдыхавшего на берегу. Я отъехал назад, чтобы он меня не увидел, и пристал за поворотом к противоположному берегу. Крадучись, шел я вдоль прибрежных зарослей с винтовкой наготове и каждые двадцать — тридцать ярдов подкрадывался к берегу, чтобы взглянуть на крокодила. Он не трогался с места. Наконец я медленно просунул винтовку сквозь кусты. Попасть в крокодила было нетрудно, но для верности я прицелился несколько раз, прежде чем мягко нажал на спуск, поймав в крест оптического прицела заднюю часть черепа, как рекомендовал мне Дарси. Крокодил повалился на бок и медленно сполз в воду.

Я подбежал к лодке и проплыл с полмили до лагеря, чтобы взять острогу, ножи для снятия шкуры и Фиф. Вернувшись на место, мы ощупывали дно на глубине десять футов, когда позади нас послышалось фырканье. Мы обернулись вовремя и заметили голову крокодила, уходящего под воду. Значит, он тяжело ранен, в противном случае он убрался бы отсюда совсем... Однако он все еще жив.

Мы сидели в лодке, ожидая, когда он появится снова. Я взял винтовку. Нам показалось, что мы просидели молча целый час, пока на поверхности воды у берега не появилась большая голова. Я стал поднимать винтовку, но Фиф закричала: «Смотри!»—и крокодил снова исчез под водой. Мы опять подождали, и я шепотом говорил Фиф, что я ей еще покажу, когда мы вернемся в лагерь. Потом она снова закричала: «Смотри!»—и показала на что-то за моей спиной. Я с шумом повернулся в лодке — это был крокодил, он выползал на берег умирать. Я выстрелил ему в ухо, потом еще раз. Четырнадцать футов шесть дюймов и первосортная шкура.

Я так обрадовался, что забыл поругать Фиф за то, что она кричала «Смотри!», пока мы не начали снимать шкуру, а тогда было слишком поздно. Потом я стал ворчать на нее за то, что она оставила в траве хороший точильный камень Дарси, где он мог потеряться. А Фиф начала издеваться надо мной, ехидно называя меня великим и свирепым охотником. Пора опять поставить ее на место. Если

она еще раз осмелится... Она у меня получит, я покажу ей, кто глава семьи.

Дарси был очень доволен тем, что я сам добыл крокодила.

— Это лучше, что вы его чуть не потеряли. Если бы пуля прикончила его сразу, вы бы ничему не научились.

В полдень мы поставили поперек реки сеть на барракуду, но попалась всякая ерунда вроде скатов, пиры-рыбы и акул (это в пресной-то воде!).

Пофыркивали собаки, которые забрались в воду и лежали там в прибрежной тени. Мы ели, спрятавшись под противомоскитные сетки, чтобы мухи не садились на еду, как вдруг послышался всплеск и оборвавшийся визг одной из собак, находившихся под нашим присмотром. Больше мы ее не видели. Мы схватили винтовки и подбежали к воде, но поделаться ничего не могли, разве что рассчитаться с крокодилом-убийцей во время следующей ночной охоты. Надежда оказалась напрасной.

Около лагеря совсем не было крокодилов, некого было даже подозревать в убийстве собаки. До сих пор в жаркие дни мы плавали в реке возле лагеря. Меня бросило в дрожь при мысли, что Фиф тоже подвергалась опасности, и я стал ругать ее.

Мы с Фиф начали охотиться по ночам одни, когда Дарси не хотелось выезжать. Мы добыли нескольких крокодилов, но самый большой из них был только двенадцати футов.

— Мы уже распугали больших крокодилов. Они убрались отсюда или прячутся,— сказал Дарси.

Мне нравилось пускать в ход гарпун, даже когда в этом не было необходимости. В этом было что-то волнующее, что-то первобытное. Охотясь с одной винтовкой, такого удовольствия не испытываешь никогда. Я возил гарпун с собой в лодке, даже отправляясь на охоту в такие места, где река была настолько мелкой и узкой, что он становился лишь обузой.

Однажды Дарси загарпунил крокодила и не мог понять, почему тот не всплывает, чтобы набрать в легкие воздуха, и не сопротивляется, когда его стали подтягивать за веревку. Когда Дарси выловил крокодила, оказалось, что тот мертвым-мертвешенек. Гарпун угодил в позвоночник и перебил спинной мозг.

Днем, сняв с крокодилов шкуры и пообедав, мы с Дарси забирались под противомоскитные сетки и говорили о крокодилах. Я начинал понимать этого человека. Долгое время до меня не доходило, почему такой прекрасный специалист, как Дарси, может проявлять такую небрежность в отношении орудий своего труда. Ведь из-за этого множество крокодилов было упущено. Однажды его винтовка дала осечку, в другой раз заклинило затвор. Гарпун тупой, веревка спутана. Фара часто выходит из строя. Это расстраивало и озадачивало, пока я не понял, что таким образом он инстинктивно способствует восстановлению поголовья крокодилов в тех реках, на которых ему еще придется охотиться. Такой человек, как Дарси, мог перебить всех крокодилов в реке, и они не скоро появились бы в ней снова. Состояние его снаряжения было своеобразной гарантией того, что для размножения и для следующей охоты останется еще много крокодилов. Я думаю, что если бы крокодилы стали так редки, что это поставило бы под угрозу тот образ жизни, который вел Дарси, то он занялся бы своим снаряжением, капнул масла на оружие, достал моток изоляционной ленты для фары и, может быть, изредка проходил бы напильником по наконечнику гарпуна.

И только много позже, когда мы охотились на крокодила-людоеда, я увидел, на что способен Дарси, если это необходимо. Если крокодил, которого ему надо непременно уничтожить, может быть убит одним из известных способов, Дарси выберет наилучший для данных условий.

Несмотря на то что он делился со мной всеми секретами охоты на крокодилов, мне порой казалось, что у меня никогда не будет того чутья, которым обладал Дарси. Так, в каком-нибудь месте, которое ничем не отличается от сотен других мест, он становился особенно внимателен, и там в самом деле оказывался крокодил.

— Дарси, а прежде вы добывали здесь крокодилов?

— Нет,— отвечает он, глядя на противоположный берег.— Но я чувю их.

Но неужели он чувал в прямом смысле этого слова? Нет, я, наверное, просто приписывал ему необыкновенные способности.

На другом берегу реки расположились лагерь какие-то путешественники, и из чистой вежливости Фиф отправилась туда на лодке и пригласила их отведать жаркое из

голубей, на которых была запрещена охота. Они, наверное, подумали, что она пошутила, и отказались. А может быть, это не были обычные охотники. На всякий случай жаркое мы выбросили.

У нас кончились соль, продовольствие и охотничьи припасы. Пора было возвращаться на нашу базу вниз по реке. В последний раз мы поели баррамунды, погрузили наши пожитки в большую лодку, а оставшихся трех собак — в маленькую и отправились обратно к нижнему лагерю, в котором мы не были три недели и два дня. Из меня и в самом деле стало получаться что-то вроде охотника на крокодилов. Два раза мы с Дарси ездили за Живыми крокодилами для того человека, который отдал нам лодку. Поймали двух трехфутовых соляников и восемнадцатидюймового пресняка. Дарси повел лодку с мотором вниз по реке в Ялогинду, а мы с Фиф поехали на машине, захватив все снаряжение.

Сообщать о собаке, которую утащил крокодил, выпало на долю мне. Разумеется, она оказалась любимой собакой ее владельца, одним из лучших породистых чистокровных псов в окрестностях залива. Крокодилы всегда выбирают лучших. Впрочем, он очень обрадовался живым крокодилам, и мы расстались мирно.

Мы с Дарси поехали в лагерь за грузовиком, а также за мешками со шкурами, чтобы передать их своему агенту в Кэрнсе.

Согласно дневнику Фиф, в эту поездку мы добыли двести шестьдесят четыре фута крокодилов. На добрых пятисот фунтов стерлингов. Но чек нам вручат только после того, как вернемся из поездки, которую мы собираемся совершить вдоль берега залива к реке Робинсона... или дальше, если управимся до сезона дождей. Возможно, доберемся до самого Арнхемленда.

8. Вокруг залива

Времени было немного. Решение совершить путешествие к рекам с другой стороны залива было принято слишком поздно: до начала сезона дождей у нас оставалось примерно недель шесть или два месяца. Мы оставляем «блиц» в Ялогинде и грузим все необходимое в лендровер: две двухсотлитровые бочки, одну — для воды, а другую — для бензина, семь мешков соли, два мешка муки, табак и прочее продовольствие, все снаряжение для охоты на крокодилов, сверху маленький ялик. Это был большой груз.

Мы добрались по равнине до переправы через реку Грегори, а затем поехали по старой военной дороге. Нескончаемые мили, и только следы от колес, песок и жара. Наши спины прижаты к сиденьям, пыль, проникающая в щели, стоит столбом.

Мы с Дарси по очереди сидим за рулем. Никаких происшествий, только колеса порой увязают в глубоком песке.

Ночевка. Едем дальше. Проезжаем мимо миссии Думиджи. Висит знак: «Останавливаться воспрещается».

— Дарси, почему они так негостеприимны?

— Лубры* иногда тайком навешают тех, кто останавливается на ночевку поблизости. Миссии делают большое дело, и дети-полукровки им совсем ни к чему.

Едем дальше. Грязный водоем. Впереди между деревьями бежит буйвол, он сворачивает куда-то в сторону и исчезает.

— Дарси, говорят, буйволы опасны, бросаются на человека, как только завидят.

— Буйвол не отличается от большинства животных. Он предпочитает уклоняться от встреч, а не сражаться. Если его ранить, раздражить или испугать, тогда он ринется в нападение. Буйвол очень силен и яростен.

Стадо ослов, колыхая длинными ушами, перебегает дорогу впереди машины и исчезает между деревьями в поднятой им же пыли.

* Лубра — аборигенка.

Снова ночевка. Заправка машины. Едем дальше. Разговариваем со стариком в прохладном доме у дороги. Он сторожит этот дом для кого-то (наверно, для бога, который забыл, что ему надо вернуться и подменить старика). У него огород с настоящими зелеными овощами, он лучший друг звонкоголосого сорокопута и злейший враг черных ворон.

Добираемся до овцеводческой фермы в Уэстморленде и подкатываем к каменному дому, стоящему за каменным забором в местности, усеянной камнями. Подняв тучу пыли, Прушковиц, этот пыльный призрак, расслабленно сваливается с заднего сиденья и шумно, ненасытно пьет из заросшего озера. Эта жалкая пересыхающая лужа с грязной водой битком набита мелкой рыбешкой и окружена черной полосой сухого ила, истоптанного множеством ног. Жаркий сезон продолжается слишком долго. От пыли мы побелели и охрипли, волосы у нас жесткие, как проволока. Мы по колено утопаем в грязи, а воды всего по пояс. Окунаемся в почти горячую воду. Потом едим соленую говядину с картошкой, приготовленную джином, имеющим от роду по крайней мере лет двести.

Молодой управляющий фермой в Уэстморленде был здесь единственным белым. Он заканчивал отделку обреза, который изготовил из старой армейской винтовки. Ему приходилось часто стрелять в диких быков, уводивших скот, а галопировать на коне с тяжелой винтовкой неудобно. Он отпилил ствол на расстоянии пяти дюймов от патронника и приделал к обреза пистолетную ручку. Это было оружие, опасное на вид. Нас пригласили присутствовать при его испытании.

«Испытатель» был вызван криком, который передавался от одной группки аборигенов к другой, пока не достиг ушей того, кому предназначался. Он подошел к нам шаркающей походкой, стараясь не показывать своих опасений. Он, видимо, был самым полезным человеком на ферме. Любую норовистую лошадь объезжал он. К любой опасной на вид скотине первым подходил он. Он рисковал своей жизнью много раз в году, получая за это всего несколько брусков жевательного табака в неделю и еду, которую делил со своей семьей, всеми родственниками и приятелями, навещавшими его.

— Иди сюда. Видишь это ружье?

— Какое малюсенькое ружье, хозяин!



— Оно заряжено, так что не трогай спускового крючка, пока не изобразишься для стрельбы. Возьми его с собой туда и выстрели в то дерево. Ни на кого не направляй.

Мы попрятались, а мужчина пошел в сторону озера, неся оружие с таким видом, будто это была спящая гадюка. При выстреле в стволе винтовки развивается двадцатитонное давление. Изобретатели его, я уверен, никогда не предполагали, что детище будут разряжать подобным образом. Абориген дрожащей рукой поднял оружие примерно в направлении дерева, вытянул при этом руку как можно дальше, а лицо отвернул, словно не желая глядеть на какую-то мерзость. Потом он выстрелил.

Никто не мог бы определить, куда полетела пуля, но человек и обрез разлетелись в разные стороны. Впечатление было такое, будто он сначала отпрыгнул от обреза и лишь потом выстрелил. Управляющий сделал ему выговор за то, что он уронил обрез в грязь. Убедившись, что оружие не разорвалось, управляющий стал испытывать его сам. Оно чуть не вырвалось у него из рук, а пуля подняла фонтанчик пыли далеко в стороне от цели.

Нас всех пригласили пострелять из этого сказочного «пистолета», но мы уклонились. Это была безобразная поделка. Часа через два мы уезжали, и к тому времени, произведя тридцать устрашающе громких выстрелов, управляющий уже добился того, что попадал в четырехдюймовый ствол дерева с расстояния шести футов, крепко держа обрез обеими руками. Успех можно было считать если не грандиозным, то шумным — перепуганные аборигены сбились в тесные группки и держались подальше.

Едем дальше. Пейзаж тот же самый, только равнина стала холмистой. Каменистые горбы чередуются с лощинами, по которым в сезон дождей текла вода. Растительность в лощинах немного зеленее, но и здесь преобладает тот грязный рыжевато-зеленый цвет, преследующий нас всю дорогу. Сотни миль предстоящего пути больших перемен не обещают.

Проезжаем Воллогоранг. Стоит он прямо на границе между Квинслендом и Северной территорией*. Фиф го-

* Северная территория — территория, в отличие от самоуправляющихся штатов Австралийского Союза, находящаяся в непосредственном подчинении федерального правительства Австралии.

ворит, что теперь мы лучшие профессиональные охотники Квинсленда и Северной территории.

Свернув на ухабистую каменистую колею, которая когда-то была дорогой, мили две мы ползли на первой скорости к знакомому Дарси медному руднику. Хотелось добраться и устроиться засветло. Большая синеватая яма и груды руды. Могила изыскателя, который жил здесь много лет, добывая по несколько мешков богатой руды всякий раз, когда ему была нужна еда или оборудование. В обрыве пещера, в которой он жил. Внутри все, как при жизни изыскателя, не считая двенадцатифутового скального питона, который, свернувшись, лежит горой на койке, подвешенной к потолку. Среди камней бежит свежая, чистая вода!

Располагаемся на ночевку на шуршащих листьях под большим деревом, преодолеваем искушение украсть маленькую походную печку из пещеры и на следующее утро по камням и пыли едем в направлении фермы Калверт Хиллз.

Дружелюбные люди. Опрятные, хорошо одетые девушки-аборигенки. Хозяина нет, но скоро будет. Сотни коз. Возле пруда шесть белых быков индийской породы, отмахивающихся длинными ушами от мух. Их выпасали, чтобы скрестить с коровами хэрфордской породы, потому что они более спокойны, менее привлекательны для клещей, держатся друг друга, справляются с динго и хорошо переносят жару и недостаток воды. Слабая надежда на избавление от извечных бед — болезней, динго и безводья. Слишком много бед, слишком мало избавителей.

Привязываем Прушковица к лендроверу и остаемся ночевать на ферме. На рассвете нас с Фиф будит лай собак.

Следующий день — на овцеводческой ферме на реке Робинсона. Наедаемся свежей говядины. Делаем запас.

Говядину нам дают, так как знают: если не дать, мы заберем целую корову и засолим ее.

Добываем кенгуру для Прушковица и отдаем половину хозяину фермы для его собак. Получаем указания и едем вниз по течению до длинной глубокой лагуны в русле реки. Наконец снова крокодилы. Ну и дорога была!

В первую же ночь мы добыли в лагуне сорок восемь пресняков, а во вторую ночь — тридцать два. Они были толстенные! Мы снимали и скребли шкуры до самого вечера.

Движемся вниз, к Морю. Один из нас идет впереди ползущего лендровера и разведывает путь. Все время стреляем крокодилов, перемещаемся и снова стреляем. Снимаем с них шкуры у прудов, лагун, на берегах реки. Фиф по колено в воде, у ног мечется рыба, хватая плавающие кусочки соскобленного крокодильего мяса.

Дарси учит нас, как добывать холодную воду в лагуне, в которой вода такая теплая, что даже сидеть в ней неприятно. Берете кружку и выплываете на глубокое место, потом ныряете, непременно держа кружку вверх дном. Опускаетесь до холодной воды близ дна лагуны и резко перевортываете кружку. Я часто удивляюсь теперь, как это мы не боялись крокодилов, но в присутствии Дарси мы о них не думали. Возможно, он знал, что крокодилов там не было. В некоторых местах он говорил: «Здесь мы плавать не будем», и мы не плавали. Мы знали, что там, где он входит в воду, никакой опасности нет.

Нас с Фиф стала тяготить лагерная жизнь. Дарси можно было обвинить в чем угодно, но только не в соглядатайстве. Однако мы чувствовали себя неловко, когда он время от времени многозначительно покидал лагерь на часок-другой, чтобы мы могли поговорить о своем. У него не было никаких дел вне лагеря, а следовательно, и предлога для отлучек. Мы были так заняты охотой и обработкой шкур, что все свободное время проводили, отдыхая в душевной тени под противомоскитными сетками, прячась от мух и вида крокодильих шкур. Мы с Фиф оставались наедине реже, чем в городе. Было очень жарко, и даже ночью Прушковиц лежал возле нашей противомоскитной сетки, так тяжело дыша, будто только что сделал хорошую пробежку по жаре. И нелепо было, что в такую-то жару и после тяжелой работы Дарси приходится отправляться на прогулки под палящим солнцем в те немногие часы, когда он мог отдохнуть. Поэтому мы с Фиф либо шептались о своих делах по ночам, либо не разговаривали совсем.

Однажды, после того как шкуры были обработаны, Дарси сказал, что ночью он отправится на охоту в дальний конец лагуны, возле которой мы расположились, и проведет там несколько часов, а на обратном пути будет стрелять крокодилов. Ему хотелось узнать, есть ли разница между охотой в начале ночи и под утро. Мне с ним идти нет никакой необходимости, потому что он соби-

рается поохотиться там, где мы уже бывали, и рассчитывает добыть всего какую-нибудь дюжину крокодилов. Меня было легко убедить. Весь остаток дня и всю ночь мы с Фиф оставались бы наедине!

Черт побери, ну и не везет же! Через час после того, как Дарси скрылся из виду, появились верхом два скотовода, которые вели за собой навьюченных лошадей. Они остановились поболтать и выпить чаю. Выяснилось, что они работают на овцеводческой ферме на побережье и их послали заготовить мясо для этой фермы — подстрелить годовалого дикого бычка.

— Но это же владения Джека Ирпа,— намекнул я.

— Совершенно верно,— согласились они.

Так они и остались, болтали, расспрашивали о крокодилах, удивлялись тому, что Фиф здесь, пока не появились четверо аборигенов, которые ехали в низовья реки на территорию соседней фермы и тоже хотели подстрелить дикого бычка. Двое скотоводов с низовьев только ухмылялись, а аборигены вообще не смущались. Они просто делали привычное дело.

Все остались на ночь и сидели вокруг костра, пока не сгорел весь заготовленный нами хворост.

Вот и все о той ночи, когда нас оставили одних.

Утром проезжие разложили на земле друг перед другом карты и показали, где лучше всего охотиться на диких быков в тех местах, откуда приехала каждая группа. Затем они разъехались, чтобы воровать друг у друга мясо. Дарси прибыл тотчас после их отъезда. Он снимал шкуру с шестнадцатифутового соляника, который доставил ему немало острых ощущений. Мы с Фиф рычали друг на друга весь день.

Я рассказал Дарси о двух группах скотоводов, собиравшихся подстрелить по бычку на фермах друг у друга.

— Да,— сказал он,— это верно. Если есть такая возможность, они никогда не бьют скот на собственной территории. Человек бьет чужой скот, так как знает, что кто-нибудь убьет его собственную скотину, но об этом не говорят. Охотник на крокодилов все время стреляет чужой скот. Все знают это, но, так как он солит все мясо, которое не может съесть сразу, и у него ничего не пропадает, об этом тоже молчат. А по роду своего занятия охотник на крокодилов спасает много скотины.

В том место мы добыли всего четырех соляников, но великое множество пресняков, сотни их. Решив перебраться на новое место, мы обнаружили, что лендровер дальше не пройдет, и поехали вдоль реки обратно к ферме. Мы собирались добраться до Манангуры, а возможно, и до самой Борролулы, на реке Мак-Артура.

Загнав лендровер по самое брюхо в рыхлый песок и вынужденные вытаскивать его из речного русла при помощи лебедки, мы вооружились проволокой, шестами, веревками и пролили много пота. Видя, что наш лендровер не может выбраться самостоятельно, Фиф была безутешна и сказала, что он, наверно, стареет... или устал тащить громадный груз по такой тяжелой дороге. Я отнес это на счет искры зажигания, будто бы снова исчезнувшей из коробки скоростей, но мне кажется, она стала что-то подозревать. Тут вмешался Дарси и основательно погубил все, попросив меня объяснить, как работает зажигание в коробке скоростей. С тех пор Фиф потеряла веру в меня и в лендровер.

Попивая горячий чай в тенистой усадьбе овцеводческой фермы, мы разговаривали об аборигенах и их нравах. Управляющий рассказал нам, как его рабочие иногда приходят и говорят: «Мы уходим, хозяин». И в самом деле берут и уходят. Не считаясь с тем, что работа не закончена. Раз они решили уйти, их не заставят остаться никакие соблазны. Несколько недель или месяцев спустя они так же неожиданно возвращаются и приступают к работе, как будто не уходили с фермы ни на минуту. Они покрывают пешком невероятные расстояния. Во время своих путешествий другие аборигены часто заходят в усадьбу, и их обычно кормят, ни о чем не спрашивая, пока они снова не пускаются в путь.

Он рассказал об испуге служанок, когда они впервые увидели керосиновый холодильник. И о шалостях двух девушек, которые становились на стулья и пытались задуть электрическую лампочку, когда он два года назад установил в усадьбе движок. И о дуэлях на палках, во время которых аборигены редко увечат друг друга... и о странных случаях, когда кто-нибудь получает настоящие увечья.

Мы расположились на ночевку рядом с озерком, снабжавшим усадьбу водой. С полдюжины «ручных» пресня-

ков улеглись вокруг на камнях и бревнах и наблюдали, как мы жарим на обед бифштексы. Утром мы свалили шкуры и ялик в пустой сарай и весь день ехали до Манангуры на реке Фелше. Там мы встретились со стариком, который оказался подлинным философом. Старина Энди собеседником был удивительным и порой смешил до слез. Он с великим удовольствием пил метиловый спирт из четырехгаллонных бидонов, украшенных этикетками с черепами, костями, надписями «Не пить!» и указаниями, что делать в том случае, если кто-нибудь случайно сделает глоток.

— Но ведь эта штука ядовита,— сказал я.

— Чепуха,— презрительно фыркнув, отрезал Энди.— В спирт никто не осмелится подмешивать яду. В противном случае отравилась бы половина Северной территории!

Мы поздно легли спать под навесом позади его хижины и проснулись рано утром, окруженные собаками и облепленные мухами. Дарси и Энди были старыми друзьями. Они уселись в тени и затеяли разговор о политике и знакомых. А мы с Фиф решили познакомиться с окрестностями и местным населением. Энди был единственным белым человеком. Аборигены с десятками своих собак жили на другом берегу реки. Они переправлялись через нее в долбленках. Когда Энди был кто-нибудь нужен, он выходил на берег и кричал во все горло. Аборигены не знали, кого кричат, из-за расстояния и из-за того, что Энди никак не мог запомнить их имен, хотя в лицо знал каждого. Поэтому один из них садился в каноэ и начинал грести к Энди. Тот кричал и махал рукой, чтобы абориген или лубра вернулись, и в каноэ садился другой... и так, пока не приходила очередь нужного человека.

— Черт знает что за жизнь! — говорил, бывало, он, вытирая большую белую бороду, забрызганную слюной от надсадного крика.— Секретариат по делам туземцев забрал всех моих лучших работников.

Он усаживался в большое кресло, с королевским достоинством ожидая прибытия вызванного аборигена.

Аборигены явно уважали старину Энди и не обращали внимания па его крикливость. Стадо под его началом было небольшое, а требования невелики и просты.

— Господь бог загнал меня в это проклятое место, и он обязан заботиться обо мне! — с негодованием говорил Энди.

(Но до нас доходили слухи, что он очень боялся полиции из-за какой-то давней провинности.)

Уинстон Черчилль был аборигеном, не развращенным цивилизацией, и делал превосходные копья. Он знал лишь несколько английских слов, которые употреблял неправильно, но был очень умным стариком, и вскоре мы с ним неплохо понимали друг друга. Я остановился, чтобы посмотреть, как он привязывает четыре проволочных крючка к древку бечевкой, пропитанной для защиты от влаги черным воском, добытым из улья маленьких пчел, не имеющих жала.

Он ни разу не поднял головы и не подал вида, что знает о моем присутствии. Покончив с острой, он стал делать новое древко из изогнутого куска дерева «джинди-джинди». Он нагревал изгибы на углях костра, и, когда палка готова была вспыхнуть, он вынимал ее из костра и терпеливо разгибал. Это повторялось снова и снова, пока восьмифутовое древко не стало прямым, как ружейный ствол. Затем он прорезал четыре паза для крючков, приладил и привязал их. Обвязав тонкий конец древка, чтобы тот не расщеплялся, он выдолбил маленькое отверстие в торце для вумеры*. Достав вумеру, у которой аккуратно привязанный крокодилий зуб служил

* Вумера (также вомера, амера и т. д.) — копьеметалка, то есть приспособление, с помощью которого аборигены мечут копья. Копьеметалка представляет собой дощечку, один конец которой снабжен выступающим коротким зубцом. Последний приставляют при бросании копья к его нижнему концу, тогда как другой конец копьеметалки, служащий рукояткой, держат крепко в правой руке вместе с древком копья. При метании копьеметалка как бы удлиняет руку, увеличивая размах, а тем самым силу и дальность полета копья в четыре — пять раз. Помимо основного своего назначения копьеметалка употреблялась и для других целей. Так, у некоторых племен к ее рукояти прикреплялся при помощи смолы острый камень, служивший резцом при обработке дерева. У других племен с помощью копьеметалки добывали огонь: для этого острым боковым краем ее терли о край более мягкого щита. У центрально-австралийских племен, где копьеметалка имеет несколько вогнутую форму, ее использовали в качестве сосуда и т. д. В настоящее время аборигены нередко изготавливают копьеметалки специально для туристов, у которых они пользуются большим спросом.

штифтом, Уинстон Черчилль с невозмутимым лицом быстро и точно метнул копьё в листья, плававшие на мелководье.

Потом, взглянув на меня впервые, он вручил мне острогу и вумеру, чтобы я попробовал тоже. Через неделю я уже бил этой самой острой рыбу. Сила и точность броска при помощи вумеры на расстояние до пятнадцати метров поразительны.

Я предложил Уинстону Черчиллю обменять острогу на банку табака «Лог кэбин». Он согласился на обмен с такой легкостью, будто мы договорились заранее. Потом он сел в большое каноэ и, взмахивая (искусно, как Дарси) веслом, пересек реку и вернулся обратно с двумя легкими длинными копьями для охоты на кенгуру и большой вумерой с плоскими резными боками. Копья были очень легкие и удобные, с наконечниками, вырезанными в форме сердца. Снова не обращая на меня никакого внимания, он стал упражняться, метая копьё в старый лист рифленого железа, прислоненного к дереву. Своими копьями он пробивал лист железа с расстояния в шестьдесят ярдов. Скорость была так велика, а траектория такая пологая, что наконечники проходили сквозь лист, не ломаясь.

Я был поражен. Прежде я думал, что аборигены метают копьё под углом вверх. А он держал копьё на уровне уха, делал несколько резких взмахов, чтобы придать ему устойчивость, и метал прямо, как дротик. И копьё летит в цель по такой плоской траектории, что его очень трудно увидеть, а о том, чтобы увернуться от него, не может быть и речи.

Поднося аборигену копьё в третий раз, я заметил, что наконечник одного из них расшатался. Порывшись в лендровере, я отдал ему ручные часы Фиф в обмен на два копья и вумеру, прежде чем он сломал их, демонстрируя мне. Часы можно купить за пять фунтов в любом городе.

Однажды, перекусив дюгоновым жарким и хлебом выпечки Фиф, я заметил Уинстона Черчилля, который прогуливался поблизости с явным намерением обменять два копья с длинными наконечниками и короткими изогнутыми древками. Я пошел посмотреть, что это такое, и он при помощи слов, смысла которых я не мог расшифровать, и множества наглядных жестов объяснил, что копья эти предназначены для забоя скота. Очевидно,

аборигены, пробегая рядом с задремавшим быком, суют ему копьё между ребрами и исчезают быстрее, чем животное сообразит, что случилось. Копья часто ломаются, когда бык падает, но сделать новое древко совсем трудно.

Я продемонстрировал Уинстону Черчиллю свою винтовку с оптикой, показал, как стрелять из нее. Он выстрелил... прямо в крытую корой хижину, стоявшую на берегу реки. Слава богу, что в ней и за ней никого не было. Потом он невозмутимо предложил мне два своих копия за винтовку, стоявшую шестьдесят пять фунтов стерлингов. На лице его промелькнуло что-то вроде удивления только тогда, когда я забрал винтовку и вместо нее вручил ему карманный нож с множеством всяких лезвий. Не слишком далекие предки Уинстона Черчилля не поняли бы этого вообще. Но он не обиделся на меня, так как позже вернулся с двумя боевыми бумерангами со сложной резьбой и страшными на вид. Каждый имел в длину примерно два фута и шесть дюймов и форму плоской жирафьей головы и шеи. Конструкция этих бумерангов не предусматривает их возвращения после броска, однако, если такая штука попадет в вас, пройдет много времени, прежде чем вы начнете интересоваться, куда она девалась. Я нашел пояс с патронташем, большую -серебряную брошь и бронзовый браслет Фиф и обменял их на бумеранги.

Я был восхищен совершенством формы и отделкой весел, которые служили аборигенам одновременно и рулями на их больших неуклюжих каноэ. Дарси рассказал мне, что у них часто уходит много дней на поиски подходящего куска дерева и изготовление нового весла, когда они теряют или ломают старое. Они берут кусок твердого и без единого изъяна дерева футов шести длиной и дюймов двенадцати шириной и задумчиво строгают, пока поделка не станет гладкой и почти невесомой. С той же упрямой настойчивостью они вырезают свои каноэ из больших кленовых бревен, которые часто находятся на большом расстоянии от стоянки.

Во время переходов абориген все время высматривает деревья, годящиеся на древки копий и каноэ, и замечает места на будущее. Однажды Дарси купил каноэ у одного аборигена-ковбоя за мешок муки, несколько фунтов сахара и противомоскитную сетку. Абориген только что

пригнал ее с другой реки, впадающей в залив, проделав путь в полтораста миль. Он потратил на изготовление ее из бревна десять недель.

Я был не настолько честолюбив, чтобы приобрести каноэ, хотя они мне нравились, но на весло я позарился. Поскольку мы с Уинстоном Черчиллем уже наладили торговые связи, я снова порылся в своих вещах и предложил ему моток цветной тесьмы, фонарик с плоской батареей, сигару и цифровой замок, который был в бездействии, так как я забыл цифру, которую надо было набирать. За все это он предоставил мне выбор из семи весел. Я не уверен, что то, которое я выбрал, принадлежало ему, но никто из зрителей не выразил протеста. Думаю, что потом он честно поделился с владельцем.

В тот же вечер, когда мы с Фиф раскатывали спальный меток, за углом послышались каркающие звуки, несомненно извлекаемые из диджери-ду*. Мы пошли посмотреть, что там, и увидели Уинстона Черчилля, который сидел, прислонившись спиной к стене хижины, оперев шестифутовый полый инструмент в большой палец ноги. Он хотел максимально использовать свой импровизированный рыночный день. Инструмент был изготовлен из полый ветки эвкалипта и разукрашен коричневыми и белыми узорами. При слабом свете, падавшем из окна хижины, вид у него был очень солидный. Уинстон Черчилль выдувал простую протяжную мелодию, время от времени втягивая воздух через нос, но ни на секунду не прерывая потока звуков. Хотелось бы знать, как он это делал.

Наступила моя очередь, и вскоре я кое-как овладел инструментом. Ду-диди, ду-диди, ду-диди-ду! Пришлось купить. Фиф оказалась не менее способной, чем я. Мы зажгли лампу и стали снова рыться в вещах. Пара дырявых штанов Фиф. Красно-желтое платье. Пара теплых носков. Большая игла. Зажигалка с запасом кремней. Нож в ножнах (запасной). Пригоршня шариков (крокодилы глаза, которые Дарси вставлял в чучела!).

* Диджери-ду (или диджери-ту) — духовая труба у аборигенов Северной Австралии, изготавливаемая из бамбука или из полого ствола дерева. Чтобы добиться наилучшего звучания, аборигены вымачивают эти трубы в воде и прочитывают их жиром. Обычная длина диджери-ту около полутора метров, но известны также трубы длиною в три и даже четыре с половиной метра.

Темные очки без одного стекла. Коробка слипшихся мятных лепешек. Уинстон Черчилль был доволен всем этим, а мы были довольны своим новым диджери-ду.

На следующее утро лубра, по имени Попай, выглядела очень нарядной в красно-желтом платье Фиф. Не то что Уинстон Черчилль, который являл собой уморительное зрелище, гордо выступая в розовых штанах Фиф и теплых носках.

В тот день мы покрыли сотню миль, добираясь до Борролулы по дороге с выбоинами, заполненными такой легкой пылью, что она разбрызгивалась, как вода. На дне выбоин торчали корни деревьев, нас так трясло на них, что приходилось ехать медленно. На переправе через реку Мак-Артур нам пришлось два часа ждать отлива. Рыча, машина пересекла реку по капот в воде, и Фиф визжала от восторга (там-то мы и подмочили все наши пленки). Затем мы свернули к Борролуле, которая была в нескольких милях вниз по течению.

В лавке мы поговорили со знакомыми Дарси и, захватив рома и пива, пошли в гости к Роджеру, который жил на холме над рекой. В Борролуле старину Роджера знают все. Он живет в квадратном баке, в котором прежде держали воду, торгует всякой мелочью, то и дело меняет шляпы и называет себя человеком, живущим в свое удовольствие. У него плохое зрение, длинные волосы и все время мира для интересных бесед. Мы разговаривали, пили и ели до полуночи. Потом мы с Фиф расстелили свой спальный мешок не совсем вне пределов слышимости. Когда мы засыпали, Роджер и Дарси все еще громко разговаривали.

К середине второго дня мы осмотрели в Борролуле все, что стоило видеть. До сезона дождей оставалось не так уж много времени, и мы двинулись обратно в Манангуру и, едва не задохнувшись в пыли, прибыли туда уже ночью.

9. До свидания, Ялогинда!

Из Манангуры мы выехали на следующее утро и после полудня уже были у реки Робинсона. Проверив, не тронула ли шкуры ржавчина, не облетела ли с них чешуя, мы присыпали сомнительные места остатками соли и сложили мешки в лендровер. Шестьсот семьдесят одна шкура и сорок шесть чучел! Это был чертовски тяжелый груз.

На следующий день мы проехали Калверт Хиллз и, чтобы прибыть в Уэстморленд засветло, утром решили тронуться в путь пораньше. На ночевку мы расположились у ручья рядом с дорогой. Около десятка путешественников аборигенов устроились в шалашах на другом берегу. Я помахал им приветственно рукой. Они не обратили на это никакого внимания. Вокруг нас крутились два серо-белых сорокопута. Фиф давно мечтала приручить эту занятную пичужку и изо всех сил старалась угодить довольно нахальным гостям.

В тот вечер я решил попробовать свои способности на диджери-ду, и к звездам полетели унылые монотонные звуки. С другой стороны водоема из лагеря аборигенов донеслось ритмичное постукивание и какое-то бормотание. Голоса звучали все громче, пока уже невозможно было не разобрать слов.

Чай, сахар, мука, табак. Чай, сахар, мука, табак. Чай, сахар, мука, табакчайсахармука-табак... Мы подозвали одного аборигена и отдали ему две горстки нашей последней муки и горсть табака, чтобы они хотя бы немного помолчали. Примерно через час, когда мы пытались уснуть, аборигены начали снова. Это стоило нам пачки сахара, полфунта чая и еще горстки табака.

В течение ночи они начинали бубнить еще дважды и вдвое громче. Наши запасы основательно поубавились, а сами мы не выспались и тронулись в путь уже днем, поставив себе за правило на будущее не играть на диджери-ду поблизости от лагеря аборигенов.

В тот день мы въехали в лесной пожар. Примерно полмили пламя металось по обеим сторонам дороги, то догоняя нас, то отставая. Мы с Дарси потели не только от невыносимой жары, но и от сознания, что в кузове лендровера есть еще полбочки бензина.

Фиф сказала, что мы смешные люди. Наш лендровер не может взорваться. Эта нелепо! Когда мы выехали в поле, обнаружилось, что брезент, который лежал поверх груза, прогорел так, что его можно было списать. А это был хороший брезент. Пока мы с Дарси приводили все в порядок, Фиф наломала веточек с кустов «оленьей шерсти»* и украсила ими передок лендровера только потому, что ее пленило название кустарника.

На следующий день мы свернули с дороги на едва заметную колею и ехали десять миль к лагуне, на которой Дарси когда-то бывал. Эта лагуна имела в длину более мили, по всей окружности ее были песчаные пляжи, а на них тысячи птиц. Группки пеликанов были так неподвижны, что казалось, приросли к песчаным отмелям. Изящные фламинго прохаживались по мелководью медленно и важно. Колпицы, спящие в илистых котловинах, были похожи на оброненные клочки белой бумаги. В воздухе парил бронзовый орел. Со свистом летали строем маленькие черно-белые утки. На засохшем дереве в своем гнезде, похожем на кучу хвороста, сидели два журавля. Прилетали и улетали кроншнепы. Прилетела и села сова, у которой была лягушечья морда и глупый вид. Мы никогда не видели подобной коллекции птиц. Там были и такие, названий которых не знал сам Дарси. Лагуна находится в пятнадцати милях от моря, но вода в ней соленая. (Дарси сказал, что вода, возможно, просачивается из моря, и, вероятно, он прав.)

Мы расположились у лагуны и ночью выехали в яlike на охоту. Без особого труда застрелили четырех пресняков и осветили соляника средних размеров, справиться с которым оказалось не так-то просто. Видимо, его встревжила стрельба. Он был на отмели, когда мы впервые его заметили. Подпустив нас ярдов на пятьдесят, он

* «Оленья шерсть» (Deershair-balrush) — степная травянистая растительность (из рода *Seirpus*). В полупустынных и степных районах Австралии нередко встречаются ее густые сплошные заросли.

скользнул в воду и поднялся на поверхность в небольшом заливчике ярдах в десяти от берега. На этот раз крокодил подпустил нас на тридцать ярдов. Мы ждали его минут двадцать с погашенной фарой и еще двадцать минут с зажженной. Когда мы уже возвращались и проплыли ярдов двести к тому месту, где упустили небольшого пресняка, Дарси обернулся, и наш крокодил опять оказался в луче фары. И точно на том же месте. Он снова подпустил нас до тридцатиярдовой отметки и ушел под воду, как в первый раз. Мы ждали, потом поплыли, оглянулись, и он снова оказался на том же месте. Дарси усмехнулся.

— Нам не нужна шкура этого крокодила. Но я бы с удовольствием застрелил его. Вот такие, становясь постарше, начинают охотиться на людей и скотину. Он думает, что взял над нами верх. Но он ошибается. Я поймаю его для содержателя ялогиндской пивной сетью и заработаю несколько фунтов, а возможно, и спасу чью-нибудь скотину.

Я спросил Дарси, каким образом он определил, что этот крокодил станет людоедом, но он ответил мне, что ищет лишь предлог для того, чтобы изловить соляника.

— Лучше убивать людоедов, чем крокодилов, питающихся крабами.

Мы вернулись в лагерь, взяли сеть, уложили ее на корме ялика — поплавки с одной стороны, а грузила с другой — и поплыли в дальний конец лагуны. По пути Дарси давал мне указания. Наш крокодил был все еще на месте, и, когда мы оказались на том же расстоянии от него, что и прежде, он ушел под воду. Только на этот раз мы не стали ждать.

Как только глаза исчезли, мы быстро подгребли к берегу заливчика. Увидев, что привязать конец сети совершенно не к чему, я растерялся. Но Дарси прошептал:

— Это неважно, сбрасывайте сеть.

Я начал сбрасывать сеть с кормы лодки, которая объезжала по дуге то место, где скрылся крокодил, направляясь к другому берегу заливчика. На середине заливчика мы очень осторожно измерили глубину древком гарпуна. Там было немного больше девяти футов: ширина сети равнялась десяти футам.

Сеть оказалась на десять ярдов короче, чем нужно, но Дарси греб, пока лодка не пристала к берегу. Мы вта-

шили лодку на берег, чтобы закрепить конец сети. Затем Дарси осветил фарой поплавки и взял винтовку, а я, на свою беду, побежал закреплять другой конец сети.

Сперва я не мог найти сети, потому что было темно, а конец ее плавал где-то ярдах в десяти от берега. Ситуация была мне явно не по вкусу. Предполагалось, что потенциальный людоед находится где-то в обмете. Я даже тешил себя надеждой, что он удрал, и в этом черном полукруге воды, освещенном фарой Дарси, нет ничего смертельной толстой баррамунды. Дарси теперь сосредоточил свое внимание на середине сети и не видел, с какой проблемой столкнулся я и... сколько драгоценных секунд уже потерял. Дарси бросился бы в воду, не задумываясь, и вытащил бы сеть на берег.

Десять ярдов — чертовски длинный путь. Я поплыл, потому что не рисковал коснуться дна ногой. Схватив поплавок, я рванулся испуганно к берегу, но не тут-то было. Надо иметь побольше сил, чем было у меня, чтобы вплавь тащить в воде шестьдесят ярдов мокрой сети.

Как только я поплыл, Дарси осветил меня фарой и тотчас побежал вдоль берега, крича:

— Выковырай ему глаза! Выковырай ему глаза!

Черт бы побрал эти крокодилы глаза! Плывя к берегу, я отчаянно барахтался. Дарси вошел в воду, вытащил сеть на песок, наступил на нее ногой и... рассмеялся. Я встал. Воды было по пояс. На мое счастье, Дарси не осветил меня фарой.

Я взял себя в руки, но было уже поздно. Дарси сказал, что, когда я вошел в воду, шум получился такой, как будто двадцатифутовый крокодил, на встречу с которым он надеялся долгие годы, тащит под воду ломовую лошадь. (Наверное, я бессознательно старался отпугнуть крокодила.) Он направил свет на то место, откуда доносился плеск, и ему показалось, что я с кем-то борюсь в воде. Пришлось оставить фару в лодке и налегке броситься вдоль берега мне на помощь. Он был уверен, что я пытаюсь остановить крокодила, решившего прорваться на участке, еще не загороженном сетью.

— Но когда вы поплыли обратно, я понял, что тут нет никакого крокодила,— сказал Дарси.— Такого шума не наделала бы и футбольная команда двадцатифутовых крокодилов.

При этих словах он улыбнулся, но я все равно чувствовал себя паршиво. К тому же я наглотался соленой воды. Дарси похлопал меня по плечу рукой, твердой, как крокодильи роговые щитки, и добавил:

— Однажды я проснулся в своем каноэ и выстрелил трижды в бревно, прибившееся к нему. И ни разу не попал. Теперь вы будете держать этот конец сети, а я пойду и посвечу, чтобы крокодил не перескочил поверх сети, если он еще не ушел.

Я остался у конца сети, а Дарси пошел к ялику. Минуту спустя он уже плыл вдоль изогнутого ряда поплавков.

— Начните, пожалуйста, очень медленно вытягивать сеть из воды,— крикнул Дарси.— Не отрывайте грузил от дна, чтобы он не прополз под сетью.

Я потащил сеть. Вряд ли в ней был крокодил. Скорее всего, он уже вырвался на волю. Не было даже... ого! Что это такое? Сеть дергалась у меня в руке. Ташу, удвоив усилия. Что-то тяжелое. Это не рыба. Должно быть, это он! Свет блестит на водовороте ярдах в двадцати от конца Дарси. Над водой мелькает изогнутый хвост. Мы поймали крокодила.

— Пусть он запутается получше! — спокойно кричит Дарси откуда-то из-за света.— Вытягивайте его.

Я пошел по берегу, выбирая сеть, пока не добрался до Дарси. Мы вместе вытащили восьмифутового черного, с желтым брюхом крокодила, который даже не сопротивлялся. Дарси выстрелил ему в голову. А теперь попробуй-ка распутать сеть!

— Мне кажется, мы не должны тревожить вашу жену рассказами о том, как лазали в воду и охотились на крокодилов с сетью,— сказал Дарси по пути в лагерь.— Она храбрая маленькая женщина, но может неправильно понять нас и подумать, что мы по-глупому подвергали себя опасности.

Настроение мое испортилось еще больше, но я рассказал об этом Фиф только в Кэрнсе несколько недель спустя.

Мы с Фиф проснулись на заре. Надвигалось что-то ужасное. Небо придавило землю, оно накатывалось на нас с севера в виде гигантских клубящихся серых, как одеяло, туч. Стояла грозная тишина. На поверхности

лагуны ни морщинки, вода как черное застывшее масло.

Приближался ливень... нет, ураган! Уж не сбросили ли в заливе какую-нибудь проклятую бомбу? Я выскок из спального мешка и из-под противомоскитной сетки, разбудил Дарси, влез в лендровер и повернул его носом в сторону грозы, поставил на скорость и затянул ручной тормоз. Потом мы с Фиф стали бросать все самое ценное из наших пожитков в кабину, проклиная пожар, который прожест брезент.

Глядя на нас, Дарси стал хохотать. Он не вылезал из спального мешка, а только откинул угол противомоскитной сетки.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Поглядите!

Я показал на небо.

— Недурно, правда?

— Пройдет.

— Но что же это, черт побери, такое?

— Кажется, это шторм на заливе. Над землей он затихает. Это признак приближающегося сезона дождей. Но опасности никакой нет.

Он был прав. Туча, которая, казалось, предвещала ураган, рассеялась над нами, уронив всего несколько капель дождя. Рассвет снова засиял над лагуной, и птицы начали летать, хлопать крыльями, прихорашиваться.

Мы быстро обработали пять крокодилийих шкур, добытых вчера, погрузили их на лендровер и поехали в Ялогинду. С ручным тормозом я перестарался, да так, что мы вместе с Дарси не смогли сдвинуть рычаг с места. Пришлось лезть под машину и отсоединять тяги.

Мы здорово поплутали, прежде чем выбрались на большую дорогу. Дарси сказал, что мы едем параллельно дороге в направлении Борролулы. Я считал, что он ошибается, но не знал, куда ехать. Фиф сказала, что надо ехать прямо, пока не доедем до главной дороги. Я мог поклясться, что солнце сбилось с пути. В конце концов мы выехали на колею менее чем в миле от лагуны, после того как битых полтора часа продирались сквозь высокую траву.

Затем перегрелся мотор, потому что радиатор оказался забитым семенами трав. У нас с Дарси ушло несколько часов на чистку радиатора и смену прокладки

под крышкой головки блока. Старая от перегрева пришла в негодность.

После полудня мы провели час, лежа в дренажных трубах у переправы через реку Грегори, погрузившись в приятно журчавшую прохладную воду, которая вымывала пыль из наших глаз. Когда мы разговаривали, голоса резонировали. Прушковец бегал по трубам и мутил воду.

Одолев сорок пять миль, мы прибыли в Ялогинду слишком поздно, чтобы лечь спать, и слишком рано, чтобы отправиться в пивную. Однако Фиф с Прушковицем улеглись тут же у реки, а мы с Дарси пошли будить хозяина пивной.

— Он знает, что я, возможно, проведу здесь сезон дождей,— сказал Дарси.— Он будет только рад услужить нам.

Трактирщик был не совсем рад, но услужил. Стоунбол Джексон спал в пивной, и мы разбудили его, чтобы вместе отпраздновать удачное путешествие вокруг залива.

В полдень Фиф принесла нам бутерброды.

— Где вы собираетесь провести сезон дождей, Дарси?— спросила Фиф.

— Здесь, в Ялогинде,— ответил он.— Больше мне некуда ехать. Большие города меня не интересуют. Здесь мне удобно, я живу, как хочется, беседую с друзьями. В марте, когда кончатся дожди, я снова буду охотиться на крокодилов. К тому времени деньги у меня тоже кончатся, и я задолжаю много фунтов моему другу, который держит пивную. Он мне верит: знает, что я непременно верну.

— А как быть нам?— любопытствовала Фиф.

— Вы должны уехать с берегов залива, пока дожди не затопили дорог. Вам здесь не понравится, если вы не сможете уехать. Это не место для женщины, муж которой все дни проводит в пивной. А когда дожди, делать больше нечего. Поезжайте в Кэрнс и поработайте там, а потом можете вернуться и снова заняться охотой на крокодилов.

— Хорошая мысль,— сказал я.— Мы, наверно, так и сделаем. Мы можем взять с собой крокодилий шкуры и тотчас выслать вам деньги. Так это будет гораздо быстрее. Ваш последний чек прислали только через месяц.

— Вы можете взять шкуры с собой в Кэрнс при одном условии,— сказал Дарси.— Пообещайте, что оставите себе половину денег, которые выручите за шкуры. В противном случае вы берете половину шкур.

— Оставьте это, Дарси. Это вы добыли большую часть шкур. Мы возьмем только треть.

— Нет, половину. Вы двое и ваша машина заработали больше половины. Пожалуйста, не давайте деньгам портить воспоминания о приятной поездке.

— Вы и в самом деле хотите, чтобы мы приехали обратно после сезона дождей? — спросила Фиф.

— Я был бы рад вашему обществу. Но не следует строить планов на такое далекое будущее. Если встретимся, обговорим все.— Он обернулся ко мне.— Самостоятельный опыт вам даст больше, чем мои объяснения. Вы не настолько терпеливы, чтобы стать по-настоящему хорошим охотником на крокодилов. Но таковы почти все. Охотник на крокодилов ни на что другое не годится, а у вас есть женщина, за которой надо присматривать, и появятся дети, которых надо будет кормить. Вы будете добывать крокодилов не хуже любого другого охотника, пока вам не надоест это и не захочется другого образа жизни.

— Нам лучше уехать завтра? — спросил я.

— Да.

В тот же день мы повезли Дарси и Прушковица в гараж, где стоял «блиц». Дарси снова праздновал удачу, а Прушковиц снова присматривал за своим грузовиком. Мы с Фиф рано легли спать и утром, когда Дарси еще спал, поехали прощаться с Ялогиндой и заправляться горячим. Мы оставили лендровер в гараже и пошли в пивную, которая была по соседству. Хозяин крикнул, чтобы нам дали по банке пива, все попрощались и выпили с нами. Стоунбол Джексон вошел в ту самую минуту, когда мы уходили. Вручив Фиф апельсин, он высказал ей свое сожаление по поводу того, что ее муж — мерзавец.

Мы снова попрощались со всеми и сели в лендровер. Не проехал я и десяти ярдов по пути в Кэрнс, как позади раздался протяжный грохот и лязг. Он продолжался и тогда, когда мы остановились. Я высунулся из кабины и увидел катящуюся двухсотлитровую бочку. Бочки валялись кругом. Кто-то обвязал веревкой нижний ряд штабеля пустых бочек, сложенных возле гаража. Другой



конец веревки был привязан к лендроверу. Всего рассыпалось точно сорок восемь бочек. Фиф и я стали катать их и складывать, а Стоунбол Джексон с невинным видом наблюдал за нами в дверях пивной.

Мы остановились возле лагеря у реки, чтобы попроситься с Дарси и Прушковицем и сложить последние вещи на лендровер. Дарси помог нам закрепить груз, а потом мы скрутили по сигарке из табака «Лог кэбин». Говорить больше было не о чем.

— Напишите мне письмо до востребования,— сказал Дарси.— Вы уезжаете как раз перед первым дождем.

Все мы посмотрели на небо. Солнце уже теряло свою летнюю силу и горело неярко, стискиваемое облаками, предвозвестниками сезона-соперника. Дарси был прав. Я посмотрел на Него.

Это был одинокий человек, в каком бы обществе он ни находился. У меня было такое ощущение, что ему нравится уединение, связанное с его работой на реках, и что наше присутствие ничего не меняло. Мы поехали, а они с Прушковицем остались возле своего потрепанного «блица». Дарси помахал в последний раз, и его жест растворился в плюмаже белой пыли позади лендровера.

Нам было очень жаль расставаться с Дарси. Он стал нашим самым близким другом.

10 . Ялик как у Дарси

После высушенных, выжженных равнин вокруг залива свежая зелень в окрестностях Кэрнса мне и Фиф показалась какой-то непривычной. До некоторой степени приходилось свыкаться даже с чистой холодной водой, так как на заливе мы долгое время пили солоноватую, мутную, ржавую, теплую воду из лагун и рек. Мы проехали через город и разбили лагерь в кустах у подножия холмов. Думаю, нам была нужна передышка, чтобы свыкнуться с экстравагантной роскошью местной природы. Замызганность нашего бравого лендровера выглядела здесь неуместной, как, впрочем, и наш вид. Поэтому несколько часов мы, словно новички в школе, ни с кем не общались. На следующее утро, вырядившись во все лучшее и с таким видом, будто только что явились из Алис-Спрингс, мы повезли крокодилий шкуры в город и нашли там агента. Я оставил Фиф в лендровере и вошел в контору.

— Что вам угодно? — спросил человек, стоявший за прилавком.

— У меня есть несколько крокодилий шкур,— сказал я, закулив сигарету и выбросив спичку за дверь.

— Какие у вас шкуры?

— Всекие. Сколько вы платите?

— Мы платим лучше всех. Шестнадцать шиллингов за дюйм первосортной шкуры пузатого соляника. Восемь и шесть шиллингов за дюйм шкуры пресняка. Сколько у вас шкур?

— Несколько сотен,— сказал я туманно, потянувшись к пепельнице.

Я загнал перегруженный лендровер во двор позади конторы, и мы с Фиф выгрузили мешки со шкурами. На агента и двух его помощников они произвели большое впечатление.

— Где вы их добыли? — спросил один из них.

— У залива,— сдержанно сказал я.

Потребовалось много часов на то, чтобы развернуть и обмерить все шкуры. Приходили какие-то люди, разглядывали шкуры и задавали вопросы. Фиф и я со скужающим видом стояли, прислонившись к лендроверу. В конце концов агент явился с двумя листами бумаги, исписанными цифрами, и сказал, что обмер шкур закончен.

— У меня получилось шестьсот семьдесят шесть шкур,— сказал он.— Это совпадает с вашим счетом?

Я небрежно кивнул.

— Почти.

Он зачитал число соляников, пресняков, пузатиков и хребтовиков.

— Шкуры хорошего качества,— добавил он.— Семь шкур с дырами пришлось перевести во второй сорт, а обычно среди такого числа шкур бывает пять процентов второсортных. А теперь зайдемте в контору, я подсчитаю, сколько вам надо заплатить, и выпишу чек.

Ему понадобился еще целый час, чтобы узнать из своих исписанных листков, на какую сумму выписывать чек.

— Две тысячи семьсот пятнадцать фунтов и восемнадцать шиллингов. На чье имя выписывать чек?

Мы с Фиф потеряли дар речи. Мы ожидали получить несколько сотен фунтов, но не тысяч.

— На кого выписывать? — повторил агент.

Я быстро сообразил, какой подходящий налог нам пришлось бы заплатить.

— На Харви Вильсона,— сказал я. Это было первое же имя, которое пришло мне в голову.

Мы взяли чек и открыли счет в банке с таким ощущением, будто, забыв о том, что делали ставку, неожиданно для себя сорвали большой куш на тотализаторе. Мы послали чек на полторы тысячи с чем-то фунтов Дарси на адрес ялогиндской пивной. Нам интересно было, разделит ли он хоть как-нибудь нашу радость по поводу получения такой кучи денег... но мы знали, что для него не имеет значения, будет ли у него тысячей больше или тысячей меньше.

Потом мы пошли покупать себе одежду и прочее. Вечером закатились в роскошный ресторан, где вели себя с придирчивым достоинством, присущим всем богатым людям. Мы пробыли там довольно долго, весь вечер, и

все это для того, чтобы сделать для себя открытие, что из заведений такого рода нам больше нравится ялогиндская пивная.

Поэтому мы перекочевали в пивную, находившуюся рядом с домом старой девы, у которой мы снимали комнату. Хозяйка у нас была что надо. Сперва она ворчала из-за того, что я клал грязные, замасленные части машины на ее газон, и мне пришлось заговаривать ей зубы. Они с Фиф ладили хорошо, но всякий раз, когда Фиф давала уговорить себя зайти к ней на чашку чая, она возвращалась с новыми рассказами о чудачествах старушки.

Во-первых, она всегда открывала окно, когда включала радио, чтобы все использованные звуки выветривались из комнаты. Во-вторых, по ее представлениям, провода были полами, а свет, тепло и звуки накачивались в них с другой стороны. В-третьих, она считала, что стекла становятся тоньше от частого мытья. Фиф делала мне выговоры за то, что я смеялся, но удержаться от смеха было невозможно.

Поддерживать хорошие отношения с милой старушкой было нетрудно, хотя она и проявляла свои добрые намерения самым немыслимым образом. Один раз она предложила нам купить собаку, с тем чтобы той можно было скармливать все объедки.

Начались дожди, и нам не оставалось ничего другого, как ждать марта, когда мы могли бы вернуться к заливу и снова заняться охотой на крокодилов. В первую очередь я, не считаясь с затратами, капитально отремонтировал лендровер. Ведущий передний мост я заменил на обыкновенный, чтобы было поменьше возни и побольше миль пробега на один галлон горючего. Я заменил все тяги, клапаны и вообще все, что показалось мне изношенным или изнашивающимся. На это ушло три недели. Затем мы стали искать такой же ялик, какой был у Дарси, но не могли найти и в конце концов попали к лодочному мастеру и сказали ему, что нам надо. Да, он делает для нас любой ялик, какой только потребуется.

— Деревянный, с округлым дном и небольшой осадкой? Не беда! Да, вы можете посмотреть, как я его буду Делать. Вы можете помочь мне, если хотите.

Бедняга, мы совершенно заморочили ему голову. Фиф говорила, что у лодки Дарси здесь было так, а я говорил,

что не так. Среднее сиденье было ближе к носу. Нет, среднее сиденье было ближе к корме. На ней были уключины. Нет, не было! Она была вот такой ширины. Чепуха, она была гораздо уже.

Мастер сказал, что ялик Дарси, видимо, вступил в противоречие со всеми принципами, касающимися конструкции и формы лодок. В конце концов все мы пошли на компромисс, и ялик получился прелестный. Он имел специальное кольцо для привязывания гарпунной веревки, шель в переднем сиденье для втыкания ножа и выемку на корме, чтобы древко гарпуна не падало за борт. Фиф заставила меня подписать бумагу, в которой говорилось, что под угрозой обычного неэффективного наказания я обязуюсь полностью отстраниться от покупки красок: желтой для покраски изнутри и серой — снаружи. Фиф хотела вывести черной краской «Королева залива» с обеих сторон носа, но я воспротивился. (Должен же мужчина где-то поставить точку, даже если он подписался под соглашением.)

Мы взяли из банка сорок фунтов крокодильих денег, чтобы заплатить мастеру вперед и тем самым подбодрить его. Несла деньги Фиф, которая боялась, что я их потеряю. Она положила пачку на журналы в лавке, когда платила за банку табака. К тому времени, когда мы вернулись в лавку, было уже поздно. Больше этих денег мы не видели. Хорошо еще, что я не был в дурном настроении. Я обозвал Фиф старой сонной мухой и про себя решил припомнить этот случай, когда мне будут поставлены на вид расходы в пивной. Итак, наш ялик обошелся нам в семьдесят пять фунтов вместо тридцати пяти плюс два фунта десять шиллингов, израсходованных на краску. Предполагалось, что ялик возместит эти расходы с лихвой.

Мы заказали два наконечника для гарпуна, нашли на холмах отличное древко и вообще суетились с нашим охотничьим снаряжением до тех пор, пока делать уже с ним было нечего, разве что оставить в покое. Так как наша дорожная карта залива потрепалась, мы купили большую новую и повесили ее на стену. Мы отметили на ней все реки от Лайкхарта до Кейп-Йорка и решили охотиться самостоятельно, чтобы не стеснять ни себя, ни Дарси.

Сезон дождей все никак не кончался. Я соорудил забор для фермера, выращивавшего сахарный тростник, а Фиф сделала двадцать чучел из шкур, которые у нас были засолены. Она неплохо справилась с работой и продала их в один магазин в Кэрнсе, получив по три шиллинга за дюйм. Всего вышло фунтов пятьдесят.

Чуть раньше, чем следовало бы, мы выехали к заливу, погрузив свое безукоризненное снаряжение на полностью отремонтированный лендровер. Низкие, слоистые тучи еще разрешались дождями на холмы, и реки были мутны и глубоки. Нам пришлось три недели стоять лагерем в болотистой местности на берегу Лайкхарта, прежде чем удалось переправиться через реку. Мы не видели ни одного крокодила и пережили наводнение. Только через пять недель после того, как мы оставили Кэрнс, началась охота на крокодилов. Но зато никто не мог бы упрекнуть нас, что мы выехали поздно.

Мы выбрали реки, впадающие в восточную часть залива, от Лайкхарта до полуострова Кейп-Йорк, чтобы не заезжать на территорию Дарси.

Охотясь самостоятельно, мы вскоре обнаружили, что он научил нас далеко не всему. Мы делали ошибки, самые нелепые для профессиональных охотников на крокодилов. Мы не учитывали простейших вещей, которые Дарси и не подумал объяснить нам, так как они воспринимались им как нечто само собой разумеющееся. Однажды мы попались в ловушку, ожидая в узкой протоке наступления темноты. Начался отлив, протока обмелела, и нам пришлось четыре с половиной часа ждать воды, чтобы выплыть обратно в реку. Москиты едва не сожрали нас.

Потом, примерно неделю спустя, мы плыли по полноводной протоке, в которой медленно прибывала вода, когда вдруг начался отлив, занесший наш ялик в заросли; его пришлось тащить к реке, прорубая себе путь. Это было чертовски трудное дело.

Однажды ночью мы плыли вдоль берега по Саксби, собирая крокодильчиков на чучела, так как большие крокодилы не попадались. Я подвел ялик под нависшее над водой дерево, под которым мы заметили маленькие красные искорки глаз, и перегнулся через борт, чтобы схватить маленького крокодила. До него оставалось менее

трех футов, а мы продолжали двигаться, как вдруг я увидел, что это тринадцатифутовый соляник, прячущийся среди листьев. Я чуть не вскрикнул. Крокодил вильнул в сторону и исчез, прежде чем мы наехали на него. Когда он через несколько минут появился посередине реки, я осторожно подгреб поближе и выстрелил ему в голову, отомстив за свой испуг.

Мы также делали ошибки, против которых нас Дарси предупреждал («Вы научитесь этому, но только на практике»).

Однажды девятифутовый соляник, уже лежавший на дне ялика, вдруг ожил и стал мотать головой между ногами Фиф. К счастью, он не мог вытащить нос из-под сиденья, но и я не мог ударить его топором без риска продырявить ялик. Мы чуть не опрокинулись. Я выстрелил крокодилу в голову, надеясь, что пуля не пройдет навывлет, но она прошла. Мы заткнули Дырку, и после этого всегда тщательно добивали крокодилов топором.

Мы потеряли один мешок крокодильих шкур, потому что поскупились на соль, а другой из-за того, что не проверили его вовремя и не засолили шкуры заново. Изучая реки, мы упустили множество крокодилов, но все равно заработали значительную сумму. Сперва мы бродили с реки на реку, пока не узнали каждую. Потом стали объезжать их, уже охотясь. Обшарили реки Лайкхарт, Саксби, Флиндерс, Норман, Гилберт, Митчелл и все маленькие притоки и лагуны, разыскивая с фарой красные крокодильи глаза.

Однажды утром Фиф сказала, что мы поедем на реку Гилберт, так как нам надо купить по дороге свежего хлеба. Я счел эту мысль глупой, но немного погода велел ей собираться. И вот мы едем к реке Гилберт только для того, чтобы я мог прикупить в Нормантоне табака, так как весь «Лог кэбин» оказался похороненным в коробке под грузом вещей, которыми я загрузил лендровер.

Мы встречали великое множество «лучших» охотников Квинсленда и Северной территории, но ни один из них не добыл крокодилов больше нас. У большинства шкур было намного меньше. Некоторые из них были австралийцы до мозга костей, родившиеся и выросшие с подвесным мотором в одной руке и винтовкой в другой. Некоторые родились не в Австралии, но здорово насоба-



чились охотиться на крокодилов. Однако никто из них не годелся Дарси и в подметки. Включая нас.

Наша репутация как профессиональных охотников на крокодилов была тем выше, что в охоте принимала участие женщина. Многие набивались в поездки с нами. Иные предлагали большие деньги. Но нам было хорошо вдвоем, и мы только раз взяли с собой одного человека, да и то лишь потому, что он был чрезвычайно красноречив, и Фиф любила его послушать. Но он не продержался и до конца Поездки.

Он обладал незаурядным чувством юмора, и мы легко ладили с половиной его раздвоенной личности... с той, которая без удержу болтала. Та же его половина, которая, по слухам, была лучшим скрипачом джазового оркестра на всем побережье, почти дремала. Однажды я обругал Фиф за то, что у нее подгорел хлеб, а потом обругал Сирила за то, что он вздумал ругаться по этому поводу тоже. (Должен же мужчина где-то поставить точку.)

Я не знаю, кому из нас пришла в голову эта мысль, но в один прекрасный день мы вдруг поехали в Ялогинду с надеждой встретить Дарси и показать ему, что мы стали настоящими охотниками на крокодилов, зарабатывающими много денег.

«Блиц» стоял возле ялогиндской пивной. Казалось, что он так и не трогался с места. Прушковиц вышел из-под него и помахал нам хвостом с таким видом, будто мы тоже никуда не уезжали. Мы поспешили в пивную и нашли в ней Дарси. Все было как прежде. Не хватало только Стоунбола Джексона, который отправился поискать золотишко в Кимберли. Дарси страшно обрадовался. Он пожал мне руку и ткнул пальцем в живот Фиф.

Он улыбался, когда мы рассказывали ему о своих достижениях, а в соответствующих местах хмурился и качал головой. Дарси охотился на тех же реках и с тем же успехом. Он сказал нам печально, что не добыл еще своего двадцатифутового, но застрелил еще четырех восемнадцатифутовых. Мы заночевали на старом месте на берегу реки Манары.

— Поехали со мной на реку Клеланд к Семи эму. Там есть крокодил, который нас обоих чему-нибудь научит. Он ворует собак у аборигенов и скот на ферме в течение многих месяцев и становится все более наглым.

Там боятся за своих детей и женщин, которым стало опасно купаться в реке. Один человек уже пытался убить крокодила, но тот оказался слишком хитрым для него. Мне хотелось бы попробовать.

— Дарси, а с прошлого раза крокодилов прибавилось?

— Нет. По-прежнему много пресняков вокруг залива, но здоровенных дубин осталось очень мало. А там, где их мало, они научат вас кое-чему. Вы увидите, как плохо вы poznали крокодилов, охотясь со мной и самостоятельно.

11. *Снова с Дарси*

Итак, мы погрузили все то, что нам могло понадобиться (и что не могло), на лендровер и два дня ехали до реки Клеганда. Хорошо было снова ехать с Дарси и Прушковицем. По пути Дарси сказал десяток скупых фраз о поездке, которую он совершил в Сидней несколько месяцев назад. Потом он рассказал, в какой переплет попал на реке Уэриане во время прошлого сезона дождей. Он ехал вниз по реке, поднявшейся фута на два. Перед самым носом в воду упало подмытое дерево и перегородило дорогу. Пришлось выгрузить все снаряжение и шкуры и сложить их на ствол дерева. Потом утопить ялик, провести его под стволом, вычерпать воду и снова загрузить с другой стороны. Корни дерева вот-вот должны были оторваться от берега, но он ушел вовремя.

— Мне повезло,— спокойно сказал Дарси.— Дерево преследовало меня по реке мили две, и пришлось грести что было сил, чтобы уйти вперед и выиграть время. Потом я вытащил лодку на берег и пропустил дерево.

— А что это за история с клегандским крокодилом-людоедом, Дарси?

— Узнаем, когда приедем,— ответил он.— Пока эти слухи кочуют, с каждой милей к ним прибавляются все новые подробности. Говорят, что тот же самый крокодил утащил охотника из каноэ на Уэриане в прошлом году. Только в пятидесяти милях от того места, куда мы едем. И напал на лагерь охотника на крокодилов в устье Клеганда несколько месяцев назад. Говорят, утащил собаку. Какого-нибудь крокодила, если он достаточно велик и причиняет неприятности, часто обвиняют во всех нападениях, совершаемых на заливе.

— Дарси, а вы думаете, что мы его добудем?

— Если повезет и если он еще там. Пока мы доедем, он может уйти.

Он не ушел. Аборигены были в панике. Только позавчера крокодил перевернул каноэ и напал на лубру. Она

успела добраться до берега, отделавшись лишь синяками на руках, которыми она колотила крокодила по голове. Это было чудом, но никто не радовался.

Стоянка аборигенов была большой, половина располагалась на одном берегу реки, половина почему-то на другом, и они сновали туда-сюда на своих больших долбленых каноэ.

По-видимому, крокодил (длина его варьировала от пятнадцати до тридцати футов в зависимости от рассказчика) появился в реке месяца два назад. Впервые его присутствие возвестила своим визгом одна лубра, увидевшая, как он плывет к берегу среди бела дня со сковородкой в пасти. На следующий день он схватил купавшуюся собаку в сотне ярдов от стоянки. А несколько дней спустя мимо стоянки стал плавать недавно загрызенный теленок, которого приливы и отливы носили то вверх, то вниз по течению реки.

Большая часть пищи добывалась аборигенами в реке, и положение наступило отчаянное. Их вылазки к устью реки, где они рыбачили и охотились на больших морских коров, или дюгоней, были прерваны после того, как крокодил утащил мальчика, который в каноэ охотился с копьем на крабов.

Вокруг стоянки выли от голода сорок или пятьдесят собак, зато крокодил голода не испытывал. Через каждые несколько дней одна из собак исчезала в реке.

Проезжего охотника на крокодилов, по фамилии Ричардс, уговорили попытаться застрелить крокодила, но пока он искал в одном месте, в другом, у самой стоянки, в бурлящей воде исчезла еще одна собака. В конце концов этому Ричардсу удалось выстрелить в крокодила, появившегося на большом расстоянии в луче фары. После этого нападения прекратились, и все думали, что крокодил либо убит, либо ранен, либо испугался и уплыл в другое место.

Но теперь он снова взялся за дело.

— Дарси, вы думаете, это тот же самый крокодил?

— Скорее всего, тот же.

Мы расположились на некотором расстоянии от стоянки аборигенов и собак и подготовили снаряжение. Дарси, который был широко известен как лучший охотник залива, вызвали для избавления от крокодила, осадившего аборигенов реки Клееланда. В его поведении появилась

страстность и некая основательность, которая, казалось, расцветала в атмосфере болот и темных глухих местечек, в атмосфере безжалостной бойни и мести, нависшей молчаливо над извилами рек. Когда разговор шел не о крокодилах, Дарси был почти невразумителен, но стоило ему унюхать крокодилов, и он становился цветастым, как новый шарф.

Он отобрал трех самых смекалистых аборигенов и задавал вопросы, смысл которых пока казался темным. Потом он сказал, что завтра будет видно, как ему взяться за «этого наглого крокодила».

Утром Дарси стал осматривать пятнадцать или шестнадцать каноэ, вытасненных на берег специально для нас. Он выбрал самую маленькую лодку. Мы тщательно проверили готовность своего снаряжения, и Дарси пустил несколько капель масла в затвор винтовки с масляного щупа лендровера.

— Дарси, а, может, этот громадный негодяй — старик? Может, ему сотни лет?

— Хотя он и здоровенная дубина, но это не значит, что он очень стар. Размеры не зависят от возраста. Молодой человек может быть большого роста, а старик — маленького. Возьмите щенка или поросенка. Щенки одного помета вырастают и в больших и в маленьких собаках. Лошади бывают большие и бывают маленькие. Почему крокодилы должны отличаться от прочих животных? Мне кажется, что этот крокодил старый, потому что девушка вырвалась у него. Но мы ничего не узнаем, пока не убьем его. Этот Ричардс только потревожил крокодила. Теперь его добыть нелегко.

Сперва мы отправились вниз по течению на разведку. Дарси сидел на носу, а я на корме со своим новым веслом. Я учился плавно грести и менять курс. Раньше я никогда в каноэ не плавал. Каноэ, если его разогнать, долго движется по инерции, но его трудно останавливать или поворачивать. Мы прошли две мили вниз по реке, то и дело пересекая ее и заглядывая в камыши и заводи, изучая пляжи и отмели. На обратном пути Дарси удивил меня, сказав:

— Там, где мы искали, живут два небольших крокодила, но большой крокодил не заглядывал туда много недель.

Я ничего не заметил.

После обеда мы пошли вверх по течению. За вторым поворотом Дарси наклонился и стиснул гребок, который держал я, но инерция была слишком велика, чтобы остановить каноэ сразу. Лодка шла прямо на большого черного крокодила, лежавшего изогнутой двухтонной громадой на пляже ярдах в трехстах от нас. Меня бросило в дрожь. Я начал грести в обратную сторону, но Дарси спокойно сказал:

— Мы опоздали. Он наблюдает за нами. Удерживайте каноэ так, чтобы вас он видел, а меня нет. Я полезу в воду. Старайтесь, чтобы он все время видел только вас. Если мы вдруг исчезнем, он тотчас полезет в воду. Отвлекайте его внимание, а я постараюсь подкрасться к нему.

Как только я загородил собой Дарси, он скользнул с винтовкой за борт каноэ и поплыл к берегу. Там легонько вытряс воду из своей многострадальной винтовки и исчез между деревьями. Я маневрировал по излучине на самом виду у неподвижного крокодила так долго, что Дарси мог уже двадцать раз подкрасться к нему. Потом я снова увидел Дарси, его голову и плечи, незаметно продвигавшиеся под прикрытием берега. На моих глазах он продвинулся ярдов на тридцать. Потом исчез, и я не мог разглядеть, где он. Ему оставалось ярдов пятнадцать до того места, откуда он мог бы увидеть крокодила или где крокодил увидел бы его. Не было ни единого дуновения ветерка, и я могу поклясться, что не раздавалось ни шороха, ни шелеста по мере почти призрачного продвижения Дарси, но крокодил равнодушно скользнул в воду и исчез из виду так основательно, что трудно было поверить, что он когда-нибудь был на пустом пляже.

Через несколько минут Дарси одолел оставшееся расстояние и посмотрел вниз, на то место, где прежде лежал крокодил. Потом он разрядил винтовку и спрыгнул с берега, чтобы осмотреть следы, а я погнал каноэ к берегу. Против ожидания, он не был обескуражен.

— Шестнадцать или семнадцать футов,— сказал Дарси, показывая на какие-то невидимые знаки на твердом, слежавшемся песке.— Он очень велик и, наверное, очень стар. Нам нелегко будет убить его.

— Но каким образом он узнал, что вы подкрадываетесь к нему? Вы были почти у места. Может, вас выдал какой-нибудь шум?

— Нет,— сказал Дарси.— Я не производил шума. Но этот крокодил отдыхал на речных берегах еще до того, как охотники на крокодилов и скот прибыли в эти края. Делать ему было нечего, разве что слушать. Возможно, его встревожило отсутствие звуков. Может быть, насекомые замерли или загудели тревожно впереди меня. Кто знает, надоело ли ему наблюдать за каноэ, встревожило ли его что-нибудь, просто захотелось поплавать или он отправился на поиски еще одной собаки?

— Значит, мы никогда не убьем его,— сказал я, угнетенный мыслью, что крокодил обнаружил Дарси, который подкрадывался совершенно неслышно.

— Рано еще отчаиваться,— рассмеявшись, сказал Дарси.— Пока он будет следить, как бы к нему не подкрались со стороны берега, мы приблизимся к нему другим путем. Есть много способов убить крокодила. Чем больше у него побед, тем смелее он становится. Местные собаки стали его легкой добычей, и теперь ему хочется большего. Если бы он собирался уйти отсюда, он сделал бы это, когда Ричардс выпустил в него пулю. Теперь он голоден, и это заставит его быть менее осторожным.

Той же ночью мы попытались охотиться с фарой и осветили глаза крокодила, который оказался на той же излучине, где мы его видели днем. Он был посередине реки, в двадцати ярдах от пляжа, к которому подкрадывался Дарси. Он наблюдал за нами, пока мы не приблизились ярдов на сто, а потом сделал круг, ушел под воду и оставался там все два часа, в течение которых мы ждали его. Лелеемая мной надежда не сбылась. Дарси признал, что мы вряд ли добудем крокодила с помощью фары. Но он по-прежнему был настроен оптимистично.

— Мы испробовали только два обычных способа,— сказал он.— Наш крокодил пережил много подобных попыток. Есть еще одна ловушка, в которую он попадется,— его собственный желудок.

Ночью Дарси повесил на ветку керосиновую лампу на той самой излучине, где мы видели его оба раза.

— Просто для того, чтобы ввести его в заблуждение и доставить ему беспокойство. Я хочу, чтобы он покинул этот участок реки.

На следующее утро мы послали на охоту две группы аборигенов: одну — к колонии летающих лисиц, вверх по реке, другую — за кенгуру.

— Постарайтесь принести мне дохлого динго, — ска- зал Дарси. — Вы можете нести его на руках, потому что это собака, а собаке полагается пахнуть человеком. Но летающих лисиц и кенгуру несите на копьях.

Он велел аборигенам не подпускать собак к реке, но некоторых из них привязать на берегу, чтобы крокодил не забывал о своем голоде. Прушковица не надо было ни уговаривать, ни привязывать.

Я тоже пошел, и мне посчастливилось подстрелить динго, бежавшего ярдах в трехстах от меня. Охотники вернулись с летающими лисицами и еще одним динго. Кенгуру они не встретили, но Дарси был доволен.

— Это хорошо. Я боялся, что придется пожертвовать одной из собак. Кенгуру теперь не играют роли.

Я не люблю возиться с дохлыми динго. У одного человека в Ялогинде Дарси взял немного негашеной извести и стрихнина. Мы заложили оба яда в трупы динго и сбросили их в укромном месте в мелководной заводи.

— Чтобы ему было потруднее найти. Если на моем столе вдруг окажутся жареная баррамунда и куриные яйца, я отнесусь к этому с подозрением. Я не люблю травить крокодилов ядом. Это не в моих правилах. Но с таким крокодилом все средства хороши. Ниже я установил ловушку и приладил два крючка. Пойдем и наживим их летающими лисицами.

Ловушка была простым устройством, изготовленным из тонкого троса, снятого с лебедки лендровера, но таким хитроумным и так ловко размещенным среди корней мангров, что Дарси пришлось показать мне его, даже когда мы подошли почти вплотную. Он шагнул в ил и вплел приманку в корни мангров над протянутым по дну тросиком.

— Когда крокодил зацепится за это, он уже войдет в ловушку. Тросик натянется, и ловушка опустится на крокодила. Зашелку ловушки трудно запрягать, остается слишком много следов вашего пребывания здесь. Простота успевает там, где сложность мстит сама себе. А теперь пошли насаживать наживку на крючки.

Это были обычные акульи крючки — один, привязан- ный к древку гарпуна, служил багром, а другой мы возили

с собой в качестве запасного в «крокодилем ящике». Они были привязаны тросиками шести- или восьмифутовой длины к деревьям на самом верхнем уровне, до которого поднималась вода. Они находились на одном и том же берегу на расстоянии в полмили друг от друга. Один был поднят над водой, другой лежал на иле, прикрывавшем трос. Дарси вымазал руки илом и насадил на крючки по летающей лисице. На обратном пути мы выбросили двух других лисиц в реку для того, чтобы раздражить аппетит крокодила.

На следующее утро я едва дождался, чтобы Дарси сел в каноэ. Торопясь узнать, не попался ли крокодил, я чуть было не забыл винтовку. Отравленный динго не тронут, приманка в ловушке тоже, на первом крючке тоже, на втором крючке тоже. Мы даже нашли одну из летающих лисиц, которую бросили в воду. Несмотря на оптимизм Дарси, я уныло отметил, что мы потерпели полный провал. В это время крокодил мог быть за много миль отсюда.

— К счастью, маленькие крокодилы не попались ни на одну из приманок,— заметил Дарси.— Это часто случается.

Тянулся скучный и жаркий день. Дарси велел аборигенам отвязать собак, что было воспринято, как признание поражения. Но Дарси, казалось, было все равно.

На следующее утро крокодил неподвижно лежал в иле под деревом. Он попался на крючок, который, однако, держал его только за угол рта. Трос натянулся до отказа. Крокодил, несомненно, мог вырвать дерево с корнями одним рывком своей могучей шеи. Или перекусить трос. Или распрямить крючок.

Дарси направил каноэ вниз по реке, не показав и виду, что заметил крокодила. Мы шли параллельно берегу. Я не слишком налегал на весло. Когда, казалось, мы уже проехали мимо крокодила, Дарси поднял свою ржавую винтовку и выстрелил крокодилу точно позади уха. Массивный хвост дернулся, окатив грязью нас и ближние ветви. И это было все, не считая нескольких ударов топоров для верности.

Мы вылезли из каноэ и стояли в иле рядом с крокодилом, не спуская с него глаз. Восемнадцать футов. По меньшей мере тонны две. Зубы сломаны, матерый... сто-



летний. Целый век он ухитрялся спастись от гарпунов аборигенов, от фар и винтовок охотников на крокодилов. Удачливый и хитрый, он прожил большую жизнь, чтобы окончить ее на крючке, попавшись, как мелкая рыбешка. Или, может быть, его подвела старость? А возможно, ему было пора подыхать.

— Дарси, почему он не распрямил крючка или не порвал троса?

— Почувствовав себя пойманным, крокодил прекращает сопротивление,— ответил Дарси.— Этот, наверное, освободился бы запросто. Вот почему мы сделали вид, что проезжаем мимо. Так мы могли приблизиться настолько, что уверенно всадили пулю куда надо.

Мы постояли еще немного, а потом Дарси сказал:

— Он знал, что не надо трогать наживки. Для такого большого крокодила летающая лисица — это все равно что орех для голодающего человека. Желудок его был пуст, а мозг стар и утомлен необходимостью непрестанно прислушиваться и наблюдать. Нам повезло, что он не мог ничего добыть в другом месте. Пришлось бы нам тогда применить другие способы.

— Другие способы?

— Да. Есть фокус с сетью, основанный на использовании подъема и опускания уровня воды во время приливов и отливов. Я как-нибудь покажу вам его (он так и не показал). Есть ловушка с захлопывающимися воротами, которую я научился применять на Лиммене. Способы есть. В некоторых из них настолько отсутствует всякая логика, что их редко применяют, но крокодилы все-таки попадают.

На стоянке услышали выстрел, и по реке потянулись каноэ, набитые галдящими аборигенами. Весть передавалась от каноэ к каноэ, и все больше взволнованных аборигенов спешили посмотреть на убитого крокодила. Мужчины, женщины, дети.

— Мы могли бы застрелить его с берега с помощью фары, если бы ждали там, где надо,— продолжал Дарси,— но, убив крокодила, мы потеряли бы его навек, так как здесь река глубокая и быстрая. А мне нужна его шкура. Так-то лучше.

Фиф прибыла па неустойчивом старом каноэ с большой трещиной вдоль одного борта, которое пришло вместе с другими сталкивающимися каноэ, переполненными

оглушительно орущими аборигенами. Дети бросались в воду и в шумном восторге плескались в ней. Плавать в реке снова было безопасно, пока... Перед Дарси благоговели, как перед мессией. Мы горделиво стояли возле убитого крокодила и скручивали папирасы.

В общем гаме я услышал голос Фиф, которая сказала: «Чертов муженек», но притворился, что не слышал, и критически наблюдал за тем, как четыре аборигена, работавшие в прошлом году у охотника на крокодилов, снимали шкуру. Потребовалось пятнадцать человек, чтобы подкатить крокодила к берегу. Вечером на стоянке намечалось празднество, и весть о событии теперь облетит из конца в конец весь залив.

Фиф, Дарси и я поплыли в свой лагерь в самом большом каноэ, чтобы посидеть в тени за неторопливой беседой о «здоровенных дубинах».

— Я так никогда и не убью двадцатифутового крокодила,—с грустью сказал Дарси.

Мы вернулись в Ялогинду и попрощались с Дарси. Мы с Фиф отправились обратно на восточный берег залива, оставив Дарси, довольного одиночеством, в мире змей и рек, дрожащих миражей и жажды, наводнений и циклонов, старых крокодилов и внезапной смерти, которую несла его ржавая винтовка. Он возвращался на реку Ропер, чтобы поохотиться два месяца, оставшиеся до начала сезона дождей.

У нас с Фиф остаток рабочего сезона прошел без особых приключений. Тряские дороги, дымные ночевки, черные, прорезаемые лучом фары ночи и мешки со шкурами, отправляемые в Кэрнс, где в любой день мог появиться настоящий Харви Вильсон, которого ждал неожиданный удар со стороны сборщиков подоходного налога.

Мы достигли того, чего добивались, и теперь были на той стадии, когда всякий убитый крокодил уже не приносил нам новых ощущений. С приближением сезона дождей мы начали задумываться, куда нам теперь ехать и что делать дальше. Впервые я заметил это, когда Фиф в один прекрасный день сказала:

— А не поселиться ли нам где-нибудь в диких местах? Ты бы строил дом, а я бы пока готовила на очаге под открытым небом. Мы могли бы даже завести младенца.

Комментарии излишни.

12. *В большинстве случаев*

Лежа в постели, мы больше всего любим вспоминать Дарси и все, что случилось у залива, когда мы были профессиональными охотниками на крокодилов... лучшими профессиональными охотниками на крокодилов. Прушковиц, лежащий у наших ног, дергается, поднимает голову и стучит хвостом всякий раз, когда упоминается его имя или имя Дарси.

— Помнишь, как он все откладывал поездку, чтобы не расставаться с пивной? — говорит Фиф.

— И как он заводил ручкой грузовик, чтобы не расходовать аккумулятора? — в свою очередь вспоминаю я.

— Когда он впервые приехал на залив, ему пришлось учиться самому. Не было никого, кто бы научил его.

— Вместо лодки у него были два капота от холденов, сваренные вместе.

— А как он искал нужные вещи в кузове «блица»?

— Интересно, что значит «Прушковиц»?

— Европейской овчарки на Северной территории не найдешь, там все собаки — помесь с динго.

— Он пек лепешку на куске зеленой коры камедного дерева, чтобы не доставлять нам хлопот и не доставать из кузова походную печку.

Но мы вовремя прекращали эти разговоры. Никогда не доводили их до конца.

Прушковиц прибегает один на ферму миссии.

Находят покинутый «блиц», разбросанное, как обычно, походное имущество Дарси. Ялик плавает милях в двух выше по течению, веревка от гарпуна уходит в воду. Винтовка на дне. Нет Дарси.

Однажды он сказал мне:

— Нельзя обвинять крокодила в каждой смерти на реке. Но в большинстве случаев виноват он.

Наверно, Дарси нашел «своего» двадцатифутового.

Послесловие

«Залив» («Gulf») — пятая книга писателя Барри Крампа. Несмотря на свою молодость — ему нет еще и тридцати пяти лет, — Барри Крамп сейчас, пожалуй, наиболее читаемый и популярный писатель-юморист Новой Зеландии. Его книги переиздаются по нескольку раз, а их общий тираж перевалил за 200 тысяч экземпляров — величина по масштабам Новой Зеландии весьма внушительная и, я бы даже сказал, необычная.

Справедливости ради следует сказать, однако, что сейчас в Новой Зеландии писателям-прозаикам издаваться стало куда легче, чем всего несколько лет назад. Еще совсем недавно новозеландские писатели-прозаики предпочитали отправлять свои рукописи в далекие заокеанские города — Нью-Йорк, Лондон: там можно было ожидать и тиражей побольше, и гонораров повыше. За последние годы в Новой Зеландии выросли и окрепли собственные издательские фирмы. И это не случайно. Развитие издательского дела в стране лишь ответ на резко возросший спрос новозеландского общества на произведения местных, собственных авторов. Новозеландцы хотят знать себя и о себе от самих себя. Эта особенно усилившаяся за последнее десятилетие тяга новозеландцев к самопознанию отражает процесс завершающейся консолидации новозеландского общества в буржуазную нацию, отличную, обособленную и независимую от Великобритании.

Вот почему так возрос сейчас никогда, впрочем, не исчезавший интерес к киви, как называют себя сами новозеландцы, к его наиболее типичным, только ему свойственным чертам характера, к его отношению ко всем материальным и духовным благам культуры и цивилизации.

Замечу, что киви — это не шутовское, как иногда думают, прозвище новозеландца или, точнее, не просто и не только прозвище. В современной Новой Зеландии слово «киви» не сходит со страниц книг, журналов, газет. «Киви смеется» — это название книги. «Киви летят за океан» — это о поездке новозеландской спортивной команды в Англию. «Киви стрижет русских овец» — это об известном новозеландском стригале Годфри Бодуэне и т. д. А в целом киви — это человек, всеми корнями своими связанный с землей, на которой задолго до появления здесь людей уже жила маленькая бескрылая птица киви, человек, освоивший эту землю в тяжелом труде.

И на наших глазах новозеландец-киви утверждает себя в мире и обществе второй половины XX века. А Барри Крамп, как и многие другие писатели Новой Зеландии, как раз и пишет о киви. Да он и сам киви. Киви до мозга костей. Его биография подобна биографиям многих десятков тысяч простых новозеландцев. Родившись в 1935 году в Окленде, Крамп с детских лет вместе с роди-

телями колесил по всему Северному острову Новой Зеландии. В поисках заработка отец его постоянно переезжал с места на место, и каждый учебный год Барри начинал в новой школе. Его трудовой стаж начался на молочной ферме. С тех пор Крамп сменил немало профессий, характерных и обычных для новозеландской действительности. Ему приходилось быть возчиком, работать на лесозаготовках, ворочать землю землеройными машинами, выкорчевывать лес, управляться с овцами на овцеводческой станции. Крампу довелось также, помимо прочего, стать профессиональным охотником. Он отстреливал кроликов (на Новой Зеландии есть и такая профессия), работал выбраковщиком оленей в государственном заповеднике.

Эта-то работа и побудила Крампа написать первую книгу, вышедшую в 1960 году. Успех был молниеносным и феноменальным. Книга выдержала с тех пор свыше десяти переизданий, а тираж ее превысил 50 тысяч экземпляров. Последующие книги (по книге в год) еще более укрепили репутацию Крампа как выдающегося юмориста Новой Зеландии.

Да, конечно, Барри Крамп пишет веселые, даже смешные книги. И сам он, как автор, и его герои смотрят на окружающий их мир с юмором и иронией, которые очень ценят в Новой Зеландии. Но было бы неверным объяснять популярность Крампа одним этим обстоятельством.

Секрет успеха его книг в Новой Зеландии (Крамп пока мало известен за рубежом) в том, что киви пишет о киви. В его рассказах и повестях представлена живо, красочно и доброжелательно сама жизнь, как она есть. В его героях метко схвачены характерные национальные черты киви: любовь к физическому труду; никогда не изменяющее чувство локтя товарища; презрение к мешанскому благополучию; скупость и сдержанность в проявлении всяких эмоций и в то же время настоящая, хотя и глубоко скрытая за внешней сухостью, даже порой грубостью, человечность; бьющий через край оптимизм, умение видеть смешное не только в других, но и в себе, что побуждает их постоянно к взаимным розыгрышам.

Наконец, еще одна неотъемлемая черта психологического облика киви, не учитывая которой вы никогда не поймете до конца ни самих киви, ни новозеландской действительности в целом, ни причин огромной популярности книг Барри Крампа. Черта эта — присущая в той или иной степени всем новозеландцам глубокая и, главное, деятельная любовь к природе. Даже не просто любовь, а некое ощущение слитности с природной средой, с ее горами и долинами, озерами и гейзерами, деревьями и травами, зверьем и птицами.

По многим причинам, о которых не здесь речь, киви гораздо ближе к природе, чем мы, европейцы. Или, вернее сказать, природа ближе к киви, чем к нам. И до сих нор душу каждого новозеландца будоражит кровь его предков, совсем недавно — в начале прошлого века — впервые высадившихся на эту землю, поставивших здесь первые рубленые хижины и первые причалы, прочтивших плугами первые борозды в новозеландской почве. Каждый киви, будь он продавцом в магазине, или клерком в банке, или мусорщиком, остается в глубине души первопроходцем, первооселенцем и пионером. Вот почему ему, киви, так дороги книги,

в которых он узнает самого себя, того, кто, продираясь сквозь чащобу с ружьем наготове, идет один навстречу опасности или дремлет после охоты у мерцающего костра среди таинственных шорохов ночного леса.

В прочитанной вами книге действие происходит не в Новой Зеландии, а в Австралии, где сам Крамп охотился сначала на кенгуру а потом и на крокодилов. Но главными героями и здесь остаются киви.

То, что киви чувствуют себя в Австралии как рыбы в воде,— это закономерно и легко объяснимо. В истории освоения Австралии и Новой Зеландии предками их нынешних обитателей много сходных черт. Особенно много похожего в истории освоения отдаленных, глубинных областей обеих стран, где человек-первопроходец стоял, а кое-где и сейчас стоит лицом к лицу с дикой природой. Поэтому-то так быстро находят общий язык герои книги: супружеская чета новозеландцев-киви и австралиец Дарси.

События повести разворачиваются в северной Австралии, на побережье залива Карпентария, то есть, иначе говоря, в самой что ни на есть глуши Австралийского Союза. Наш читатель знаком больше с жизнью крупнейших городских центров и западной Австралии, где в специально выделенных резервациях владычат жалкое существование вытесненные туда остатки коренных жителей и где уже после второй мировой войны создан испытательный ракетный полигон «Вумера».

На страницах книги Крампа мы знакомимся с совсем другой, провинциальной Австралией. То, что подлинная география (населенные пункты, названия рек и прочее) заменена вымышленной, позволило автору еще больше подчеркнуть наиболее характерные приметы австралийской глуши. Изображенная во всей своей колоритной пестроте Австралия Северной территории и северо-западного Квинсленда оказывается живописной, но почти незаселенной и неосвоенной страной, которую пересекают лишь тонкие ниточки дорог, тянущиеся от одной фермы или скотоводческой станции к другой.

Мы знакомимся с целой вереницей типажей северной окраины континента, с бытом маленького австралийского городка.

И еще мы сталкиваемся с обитателями ферм, скотоводческих станций, христианских миссий, с жителями поселков, созданных и опекаемых правительственным «Секретариатом по делам аборигенов». И повсюду мы видим там аборигенов, коренных жителей Австралии. Это не случайно. Северная территория и северо-западный Квинсленд не только наименее освоенные цивилизацией области Австралии, но и единственные районы страны, где аборигены составляют не незначительное меньшинство, а добрую половину местного населения. Не будет преувеличением сказать, что скотоводство австралийского севера целиком зиждется на тяжелом и почти неоплачиваемом труде аборигенов. Безудержная эксплуатация аборигенов скотовладельцами до недавнего времени вообще никак не контролировалась, да и сейчас по сути дела мало что изменилось. Немногим лучше положение аборигенов, живущих при христианских миссиях и на территории правительственных станций. И миссионеры, и местная администрация не идут дальше весьма ограниченной благотворительной помощи, что, конечно, никак не решает всей проблемы.

Демократическая общественность Австралии в сущности лишь после второй мировой войны стала кое-что узнавать о судьбе аборигенов австралийского севера (что касается юго-восточных и восточных штатов, то здесь почти все аборигены были уничтожены раньше, чем возникло само общественное мнение). Правящие круги Австралии и по сей день всячески препятствуют распространению правдивой информации о бедственном положении аборигенов. Бедственным прежде всего потому, что здесь, на далекой окраине, капитализм до самого недавнего времени мог выступать без маски.

И все же в последние годы положение, хотя и медленно, изменяется к лучшему. За справедливое решение проблемы аборигенов борется сейчас вся демократическая общественность Австралии. Растет национальное и классовое самосознание самих аборигенов. В ряде случаев правительство вынуждено идти на уступки там, где лет пятнадцать — двадцать назад об этом нечего было и думать. Так, уступая давлению демократических сил, федеральное правительство ввело в 1957 году новое «Законодательство о благосостоянии аборигенов». Но хотя по этому законодательству признается право аборигена называться австралийским гражданином, администрация может по тем или иным соображениям лишить аборигена прав гражданства и взять его под опеку. Достаточно сказать, что в 1961 году гражданские права имели лишь семьдесят человек из шестнадцати тысяч аборигенов Северной территории. Аналогичные лицемерные законы действуют в Квинсленде и в других штатах Австралийского Союза.

В книге Крампа аборигенам уделено, казалось бы, не так уж много места. Но то, что им подмечено и высказано, пусть даже вскользь, выглядит крайне красноречиво: ведь это свидетельство тех очевидцев со стороны, которых администрация стремится сюда не допускать. Как бы ненароком и невзначай Крамп заставляет читателя всерьез задуматься над проблемой аборигенов — труднейшей социальной проблемой современной Австралии.

«Залив» Барри Крампа — это прежде всего приключенческая повесть. Повесть о единоборстве человека с природой, порой опасными и отнюдь не безобидными представителями которой выступили на этот раз австралийские крокодилы.

В Северной Австралии обитают два вида этих своеобразных реликтовых пресмыкающихся: пресноводный крокодил Джонстона (*Crocodylus Jonstoni*) и крупный, широко распространенный на берегах Тихого и Индийского океанов морской крокодил (*Crocodylus porosus*).

Первый из них (названный так, между прочим, по имени местного чиновника полиции) питается рыбой, мелкими животными, растениями и безопасен для людей и скота. Его обычная длина — два метра, но попадаются и более крупные особи. От других крокодилов крокодил Джонстона отличается удлинённой и сравнительно тонкой мордой. У него по двадцати зубов с каждой стороны верхней челюсти и по восемнадцати — с каждой стороны нижней.

Второй вид гораздо крупнее. Обычная длина старого самца — пять с половиной метров, хотя встречаются — правда, все реже и реже — экземпляры более чем шестиметровой длины (вспомните, как тщетно и упорно мечтал Дарси добыть «своего» двадцатифутового крокодила). Известен случай, когда на реке Пайонире в

штате Квинсленд был убит крокодил длиной около десяти метров, но было это давным-давно. У морского крокодила никогда не бывает больше восемнадцати зубов в верхней челюсти и более пятнадцати — в нижней. Он водится не только в Австралии, но повсюду на морских берегах от Индии и Индонезии до Новой Гвинеи, Соломоновых островов и архипелага Фиджи. Нередко его обнаруживали в открытом океане на расстоянии многих миль от твердой земли. В Австралии в наши дни он встречается только на самом севере, хотя ранее, судя по ископаемым остаткам, граница его обитания проходила много южнее.

Хвост и мощные челюсти морского крокодила стали причиной многих человеческих жертв в северной Австралии и на близлежащих островах. Чаще всего ими оказываются купающиеся или зазевавшиеся у берега водоема, где водятся крокодилы, люди. Но особенно велик урон, который наносят крокодилы, эти «тигры речных потоков», владельцам рогатого скота и лошадей.

Австралийцы постоянно и настойчиво ведут организованную борьбу с крокодилами. Борьба эта поощряется и стимулируется устойчивым спросом на изделия из крокодиловой кожи, из которой предприимчивые фирмы изготавливают обувь и всяческую кожаную галантерею. В 50-х годах в южноавстралийских городах был создан даже «Клуб охотников на крокодилов и крупную дичь», что немало способствовало превращению охоты на крокодилов в еще один новый вид зимнего спорта.

Стоит ли после этого удивляться, что если в 30-х годах три-четыре охотника без особого труда добывали два десятка крокодиловых шкур за ночь (что, заметим, приносило им неплохой заработок), то к настоящему времени поголовье крокодилов резко уменьшилось, а действительно крупные экземпляры почти не попадают. Администрация Северной территории уже принимает поэтому некоторые охранительные меры с целью предотвратить истребление хотя бы крокодилого молодняка.

Учитывая все эти обстоятельства, можно считать, что Дарси и чете охотников-киви сильно везло... Все новые и новые «лучшие профессиональные охотники на крокодилов» продолжают поиски двадцатифутовых соляников у берегов залива Карпентария одни — в шекочущем нервы спортивном азарте, другие — ради трудного, но весомого заработка. Это действительно опасный спорт и трудный заработок: малейший промах, секунда промедления — и охотник становится жертвой, а упущенная добыча — удачливым охотником. Не случайно даже для такого опытного охотника, каким был Дарси, встреча со «своим» двадцатифутовым оказалась роковой.

Д. М. Бахта